

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Раин А.П.

**СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ
И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГО ВРЕМЕНИ**

Христианское чтение, 1895, I, с. 225-248, 465-504

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВЯТОЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЕГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

ИСТИННЫЙ источникъ здоровой нравственной жизни есть семья, и потому всѣ законодатели—какъ древняго, такъ и новаго міра—заботились о томъ, чтобы поставить семейную жизнь въ наиболѣе благопріятныя условія, возвысить ея нравственный тонъ и оградить отъ вредныхъ для нея и тѣмъ болѣе разлагающихъ ее вліяній. Древній міръ погибалъ главнымъ образомъ отъ разложенія въ немъ семейной жизни, и если христіанство возродило этотъ умирающій міръ, то этого оно достигло главнымъ образомъ тѣмъ, что преобразовало семейную жизнь, внесло въ нее новый нравственный элементъ, ослабило господство чувственности и дало перевѣсъ духу, такъ что семья перестала быть только средствомъ размноженія по плоти, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе сдѣлалась очагомъ духовнаго воспитанія, накопленія нравственныхъ силъ и тѣсной взаимопомощи при стремленіи къ духовному совершенству. Такой переворотъ во взглядѣ на самую сущность семейной или брачной жизни не могъ совершиться сразу

¹⁾ Предпринявъ изданіе «Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста» въ русскомъ переводѣ, редація академическихъ изданій намѣрена сопровождать выходъ этихъ твореній въ свѣтъ такими очерками и изслѣдованіями, которыя, знакомя читателей съ самой эпохой и почвой, на которой жилъ и дѣйствовалъ великій святитель и на которой, такъ сказать, выросли его творенія, могли бы содѣйствовать имъ въ болѣе сознательномъ усвоеніи заключающихся въ этихъ твореніяхъ истинъ. Настоящая статья представляетъ первый опытъ подобнаго рода очерковъ. Источникомъ для нея служили всѣ вообще творенія св. І. Златоуста и главнымъ образомъ только что вышедшій въ свѣтъ выпускъ ихъ новаго русскаго изданія, различныя монографіи и изслѣдованія и преимущественно новое сочиненіе: A. P u e s h, St. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris 1891.

и круто, и потому хотя христіанство уже восторжествовало надъ язычествомъ, однако старыя языческія воззрѣнія все еще продолжали жить среди народныхъ массъ, и духовнымъ вождямъ и учителямъ церкви пришлось много потрудиться надъ тѣмъ, чтобы просвѣтить въ этомъ отношеніи народное сознаніе, очистить его отъ старыхъ языческихъ понятій и внушить ему новое возвышенное воззрѣніе, возводящее бракъ изъ роли орудія плоти на степенъ орудія духа и нравственной силы. Надъ разъясненіемъ этого предмета много трудились отцы и учителя церкви, но болѣе всѣхъ потрудился св. Іоаннъ Златоустъ, и его творенія въ этомъ отношеніи составляютъ драгоцѣнный источникъ для разумѣнія истиннаго смысла семейныхъ отношеній. Особенно много онъ занимался этими вопросами въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, вошедшихъ въ первую, только что вышедшую въ свѣтъ, книгу „полнаго собранія“ его твореній въ русскомъ переводѣ, и въ нихъ читатель найдетъ не только неистощимый источникъ назиданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и богатѣйшій матеріалъ для характеристики семейныхъ нравовъ и воззрѣній на бракъ и дѣвство въ ту переходную эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ св. І. Златоустъ. Такъ какъ на этихъ его твореніяхъ болѣе, чѣмъ на другихъ, лежитъ отпечатокъ эпохи, и въ нихъ затрогиваются такія стороны жизни, которыя, составляя особенность той эпохи, могутъ и не всегда быть достаточно ясными для читателей нашего времени, то далеко неизлишнимъ будетъ сдѣлать хотя краткій очеркъ особенностей семейныхъ нравовъ того времени.

І. Уваженіе къ святости брачныхъ узъ вытекаетъ, такъ сказать, изъ инстинктивнаго требованія человѣческой природы и потому оно составляетъ существенную часть всякаго какъ писаннаго закона, такъ и обычнаго права. Даже у языческихъ народовъ на первоначальной ступени ихъ развитія замѣчается уваженіе къ святости брака, такъ что напр. у древнихъ римлянъ вдова, оставшаяся вѣрною своему первому мужу и не вступавшая во второй бракъ, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и самое названіе *уіуіса* было весьма почетнымъ. Если впоследствии, особенно во времена имперіи, эти отношенія уступили мѣсто совершенно инымъ, такъ

что брачныя узы потеряли всякую святость и женщины, по ироническому замѣчанію Сенеки ¹⁾, считали свои годы уже не по консульствамъ, а по числу своихъ разведенныхъ мужей, то это уже было извращеніе, признакъ полного упадка нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ страшнаго растлѣнія и разложенія. Семейная жизнь потеряла свой нравственный тонъ, и языческій міръ началъ погибать. Отъ этой гибели человѣчество было спасено христіанствомъ, и когда оно явилось, то первымъ его общественнымъ дѣломъ было поднять бракъ на должную ему степень уваженія, освободить его отъ рабства плоти и придать ему печать духовности. Вотъ почему, не ограничиваясь провозглашеніемъ нерасторжимости брака, „развѣ словесе любодѣйнаго“, христіанство стало придавать особенное значеніе дѣвству и вдовству. Когда языческая чувственность съ одной стороны прельщала обманчивымъ миражемъ плотскихъ наслажденій, то христіанство съ другой стороны противопоставляло ей величіе своего нравственнаго ученія, красоту своихъ примѣровъ, порывы идеализма суроваго и пламеннаго, но всегда благоразумнаго и сообразнаго съ достоинствомъ человѣка. Никогда оно не впадало въ противоположную крайность, какъ это постоянно бываетъ съ системами человѣческаго происхожденія. Наравнѣ съ безнравственною распущенностью язычества, христіанство отвергало и укоряло безумныя крайности докетовъ, энкратитовъ, манихеевъ, равно какъ и высокомѣрныя знаемыя Монтана и Тертуллиана въ отношеніи второбрачія. Не совѣтуя вступать во второй бракъ, оно въ то же время далеко было отъ осужденія второбрачія. Но совѣтуя вдовамъ сохранять ненарушимую вѣрность своему первому браку, оно тѣмъ самымъ лишь возвышаетъ бракъ, окружая его ореоломъ доблести. Въ томъ же смыслѣ оно еще горячѣе рекомендуетъ дѣвство, которое христіанствомъ возведено на высшую степень добродѣтели. Разсужденіе о немъ было любимымъ предметомъ отцовъ и учителей церкви. Превосходные трактаты о немъ мы находимъ у св. Амвросія Медиоланскаго, Григорія Нисскаго, блаж. Августина, у св. Меодія Патарскаго, у блаж. Иеронима въ его знаменитомъ посланіи

¹⁾ Seneca, De benef. III, 16.

къ Евстохіи, у св. Григорія Богослова, который посвятилъ ему одну изъ своихъ изящнѣйшихъ поэмъ, и у многихъ другихъ; но нигдѣ еще эта добродѣтель не обрисована столь живыми и поразительными чертами, какъ въ трактатѣ св. Іоанна Златоуста „О дѣвствѣ“, и трактатъ есть поистинѣ вдохновенный диѳирамбъ этому состоянію, которое преобразуетъ плотскаго человѣка въ ангела. И язычники отчасти знали и цѣнили дѣвство, какъ доказываетъ самое существованіе напр. весталокъ; но истинное свое значеніе дѣвство получило только въ христіанствѣ, которое увидѣло въ немъ высшее выраженіе торжества духа надъ плотію и восхваляло его какъ доблесть изъ доблестей. И совершилось изумительное явленіе, общественное чудо. Государственные люди, слыша превозношеніе дѣвства христіанами, не могли не опасаться за свои народы, которымъ—де угрожало уменьшеніе и вырожденіе и потому враждебно смотрѣли на это ученіе, какъ на опасное и вредное заблужденіе. А между тѣмъ въ дѣйствительности проповѣдь о дѣвствѣ сдѣлала для соціального и государственнаго укрѣпленія неизмѣримо больше, чѣмъ пресловутый законъ Юлія, подъ страхомъ казни принуждавшій молодежь вступать въ бракъ. Если законъ Юлія былъ выраженіемъ крайняго упадка семейственности въ языческомъ мірѣ и своею принудительностью могъ только еще болѣе унижать узы брака, то напротивъ проповѣдуемое христіанствомъ дѣвство было какъ разъ тѣмъ оздоравливающимъ противоядіемъ, въ которомъ такъ сильно нуждался отравленный ядомъ разврата древній языческій міръ. Такъ какъ это состояніе принимали именно лучшіе и избранныѣйшіе изъ людей, которымъ болѣе всего претила мерзость языческаго развращенія, то эти рыцари духа и сдѣлались вождями того великаго нравственнаго переворота, который привелъ къ поднятію значенія самаго брака и тѣмъ не только не ослабилъ силу размноженія рода человѣческаго, а неизмѣримо увеличилъ ее ¹⁾, такъ какъ съ поднятіемъ брака на должную

¹⁾ Св. Амвросій отмѣтилъ тотъ несомнѣнный фактъ, что гдѣ менѣе уважается дѣвство, тамъ слабѣе и населеніе, и наоборотъ, — каково наблюденіе подтверждено и такимъ острымъ наблюдателемъ жизни народовъ, какъ Монтескье авторъ сочиненія «Духъ народовъ». См. St. Ambrós. De Virginit. VII, 36: Montesquieu, Esprit des lois. XXIII. 2.

ему высоту какъ тайнства и вступать въ него стали люди, вполнѣ проникнутые сознаниемъ его важности и святости.

Превознося дѣвство, христіанство и его истинные выразители—святые отцы поэтому нисколько не унижали бракъ, и св. Іоаннъ Златоустъ прямо говоритъ: „запрещаю я блудъ и прелюбодѣяніе, но бракъ—никогда“¹⁾. Смотри на бракъ, какъ на установленіе Божіе, онъ видѣлъ въ немъ благо, которое такъ же дѣйствовало оздоравливающимъ образомъ на нравственную жизнь, какъ и дѣвство. „Бракъ, рассуждалъ онъ, есть добро, потому что сохраняетъ мужа въ цѣломудріи и не допускаетъ погибнуть уклоняющемуся въ прелюбодѣяніе“²⁾. Люди по самой своей натурѣ неодинаковы, и если одни, натуры возвышенныя, стремящіяся къ небесамъ—дальше отъ этой грѣховной земли съ ея злобой и похотью, могутъ найти себѣ высшее совершенство въ дѣвствѣ, то другіе, натуры такъ сказать дебелыя, льнушіе къ землѣ и считающіе своимъ долгомъ мужественно осуществлять свое назначеніе въ земной жизни, могутъ найти для себя наилучшее средство къ достиженію совершенства именно въ бракѣ, который для нихъ служить, такъ сказать, громоотводомъ при накопленіи страстей. То и другое состояніе слѣдовательно законное, и потому—то св. Іоаннъ въ своихъ бесѣдахъ и рассужденіяхъ то превозносилъ дѣвство, какъ освобождающее насъ отъ земной житейской суеты для безпрепятственного полета къ небесамъ, то рисовалъ яркія картины благословеннаго супружества, которое, какъ напр. въ родѣ Маккавеевъ, было благомъ уже потому, что дало жизнь героямъ, въ семействѣ благочестивыхъ Акиллы и Прискиллы было источникомъ счастья и благословенія и вообще было символомъ союза души со Христомъ. Во время своего пастырскаго служенія въ Антіохіи, онъ конечно имѣлъ большею частью дѣло съ натурами второго разряда, съ людьми преимущественно семейными, составлявшими главный элементъ его обширной паствы, и потому и въ своихъ рассужденіяхъ онъ имѣлъ ихъ именно въ виду и къ нимъ примѣнялъ свой возвышенный взглядъ на се-

¹⁾ О дѣвствѣ, 9 (стр. 298 нов. русск. изд.).

²⁾ Тамъ же 25 (стр. 311).

мейныя отношенія. Поэтому онъ, беря дѣйствительность, какъ она представлялась его наблюденію, заботился о томъ, чтобы придать семейной жизни тотъ возвышенный и благородный колоритъ, какой только могъ соотвѣтствовать его идеалу, и этотъ именно отпечатокъ лежитъ на всѣхъ его разсужденіяхъ въ этой области.

Такъ какъ главнымъ основаніемъ для допущенія и освященія брака, по воззрѣнію св. І. Златоуста, является именно необходимость удовлетворять потребности натуръ второго разряда и тѣмъ обуздывать чувственность, то первымъ правиломъ для тѣхъ, кто принадлежитъ къ разряду этихъ натуръ, должно быть то, чтобы какъ можно скорѣе вступить въ бракъ. Порывы и влеченія чувственности бывають сильнѣе всего въ юности, а потому въ юности именно и нужно вступать въ бракъ. Св. Іоаннъ Златоустъ не переставалъ указывать родителямъ, какую они принимаютъ на себя отвѣтственность, если даютъ своимъ сыновьямъ достаточно времени для того, чтобы познакомиться съ куртизанками и женщинами, подвизающимися на театральномъ сценѣ. Напрасно возражали ему (и это возраженіе особенно исходило отъ главъ богатыхъ семействъ), что молодымъ людямъ нужно дать сначала укрѣпить свое положеніе, получить извѣстность въ адвокатурѣ или вообще добиться какой нибудь важной должности. Важнѣе всего соблюсти ихъ цѣломудріе, чего нельзя достигнуть иначе, какъ при посредствѣ благовременнаго брака ¹⁾. „Да, бракъ нужно заключать рано, говорилъ онъ; иначе, молодой человѣкъ, познакомившись съ порокомъ, не будетъ любить своей жены и въ теченіе двухъ дней, и уже на другой день послѣ свадьбы ему понадобятся новыя ласки куртизанокъ“, и въ подтвержденіе этого ссылается на Іезекіиля и другихъ пророковъ, не умѣвшихъ называть вещи иначе, какъ ихъ собственными именами ²⁾. И эти совѣты дѣйствительно отличаются мудростью, которая сохраняетъ свое значеніе для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Потому-то св. Іоаннъ не переставалъ повторять ихъ, и этотъ предметъ чаще всего служилъ содержаніемъ его бесѣдъ.

¹⁾ Бес. на ев. Матѳея, 69. Ср. на Быт. 59.

²⁾ На 1 посл. къ Фессалоник. 5.

Такимъ образомъ мужчина и женщина должны сочетаться бракомъ съ самой своей юности. Но выборъ супруга труденъ и его нужно дѣлать съ большою осторожностью. И здѣсь главная отвѣтственность должна лежать на родителяхъ: они не только должны съ наступленіемъ зрѣлости своего сына сами искать для него невѣсту и знать, къ какой болѣе склоняется ихъ сынъ, но кромѣ того и всею системою даваемого ему воспитанія должны напередъ указывать ему то или другое направленіе. Къ сожалѣнію воспитаніе, какъ оно понималось тогда, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы единственно внушать молодымъ людямъ желаніе и уваженіе къ богатству, а слѣдовательно и предпочтеніе невѣсть — съ деньгами. Св. Іоаннь обличалъ это стремленіе жениться на деньгахъ уже въ своемъ разсужденіи „О дѣвствѣ“, гдѣ онъ ярко изображаетъ положеніе чловѣка бѣднаго, незнатнаго и худороднаго, женившася на женщинѣ благородной, богатой и знатной, а также и положеніе бѣдной женщины, выходящей замужъ за богатаго ¹⁾). Въ своихъ бесѣдахъ онъ то и дѣло возвращался къ этому предмету, и особо посвятилъ бесѣду вопросу о выборѣ супруга, гдѣ онъ описываетъ всѣ тѣ приемы и сдѣлки, которые происходили при этомъ, клеймить свахъ, дѣлавшихъ изъ этого особое ремесло, перечисляетъ всѣ предосторожности, принимаемыя при заключеніи договора, постоянныя совѣщанія съ адвокатами, чтобы выяснить себѣ всѣ законоположенія о приданомъ — на всякій случай, въ родѣ того, если „жена умретъ безъ дѣтей“ и т. далѣе ²⁾). Самое названіе, дававшееся браку, указывало на лежавшую въ его основѣ грубую и жалбую цѣль: онъ назывался *τομολαγία* — договоръ, сдѣлка ³⁾). Но къ чему всѣ эти хлопоты и интриги? — спрашивалъ Іоаннь. Женившись безъ состоянія, чловѣкъ становится рабомъ своей богатой жены. Онъ живетъ въ презрѣніи и позорѣ, и въ такомъ же положеніи, въ случаѣ смерти, оставляетъ и своего сына, потому что нельзя сомнѣваться, что овдовѣвшая богачка вновь выйдетъ замужъ и

¹⁾ О дѣвствѣ, 53 и сл. Стр. 344 и сл.

²⁾ На Пс. 48; на кн. Быт. 48.

³⁾ На Мате. 73.

передастъ свои богатства другому ¹⁾. Еще хуже положеніе бѣдныхъ женщинъ, выходящихъ въ замужество за богатыхъ: богатые мужья относятся къ нимъ не лучше, какъ если бы они купили ихъ въ рабство на общественномъ рынкѣ, да и не куплены ли онѣ на самомъ дѣлѣ? Онѣ не будутъ имѣть никакой власти надъ слугами своего дома и никакой силы противъ соперницы, которая не преминетъ завестись у мужа ²⁾. Поэтому нѣтъ надобности хлопотать при заключеніи брака объ имѣніяхъ, а нужно разузнавать нравъ и характеръ, и вмѣсто того, чтобы совѣтоваться съ адвокатами, слѣдовать указанію св. ап. Павла ³⁾. Св. Писаніе представляетъ въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ, изображая, какъ Авраамъ искалъ невѣсту для своего сына Исаака. Вотъ образецъ, который слѣдуетъ имѣть предъ глазами всѣмъ родителямъ, и св. Іоаннъ Златоустъ неоднократно возвращается и подробно пересказываетъ и объясняетъ всѣ наиболѣе трогательныя подробности этого знаменитаго библейскаго сватовства.

Но обличая погоню за денежною стороною въ брачныхъ сдѣлкахъ, св. Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиво преслѣдовалъ и другое злоупотребленіе, которое было особенно сильно въ то переходное отъ язычества къ христіанству время, хотя это злоупотребленіе составляетъ въ сущности неискоренимое зло всѣхъ временъ. Это именно тѣ непристойныя увеселенія, а часто и оргіи, которыми обыкновенно сопровождалось въ то время заключеніе браковъ. Не только сочиненія современныхъ писателей, но даже и самые памятники неопровержимо свидѣтельствуютъ, что при совершеніи браковъ и у христіанъ въ это время продолжали существовать обычаи стараго язычества. Такъ новобрачные въ изображеніяхъ ихъ на саркофагахъ и золоченыхъ сосудахъ носятъ свое традиціонное *flammeum* ⁴⁾. Конечно, церковь уже рано ста-

¹⁾ О дѣвствѣ, 53; на Дѣян. 49.

²⁾ Тамъ же 48.

³⁾ На кн. Быт. 48.

⁴⁾ См. K r a u s, Real Encyclopädie der christl. Alterthümer, ст. Ehe. У св. І. Златоуста часто встрѣчаются указанія на живучесть языческихъ брачныхъ обычаевъ. См. въ бесѣдѣ на текстъ: «Развѣ словесе

ралась подчинить бракъ своему непосредственному вліянію и требовала, чтобы онъ заключался съ благословенія епископа или пресвитера ¹⁾. Но давъ свое благословеніе и совершивъ таинство, церковь не могла воспренятствовать совершенію обычныхъ церемоній, требовавшихся въѣмъ складомъ общественныхъ отношеній, и потому постоянно бывало такъ, что на другой день по совершеніи церковнаго брака совершались обычные обряды и церемоніи, имѣвшіе уже совершенно иной характеръ. Наиболѣе важнымъ изъ этихъ обрядовъ было совершеніе торжественной и вмѣстѣ увеселительной процессіи, участники которой, взявъ невесту изъ родительскаго дома, вели ее въ домъ жениха; это была такъ называемая *πόμπη*, какъ говорили греки, или *deductio sponsae*, какъ называли ее римляне. Процессія совершалась съ наступленіемъ ночи, въ то время, какъ воспѣвали древніе поэты въ своихъ любовныхъ пѣсняхъ, когда „вечерняя звѣзда излила наконецъ свой давно желанный свѣтъ“. Послѣ процессіи начиналось пиршество, сопровождавшееся пѣснями, плясками и различными лицедѣйствами, при чемъ всѣ участники и даже рабы соперничали между собою во всевозможныхъ вольностяхъ, часто непристойныхъ и грубыхъ. Св. Іоаннъ, строго возставая противъ подобныхъ непристойностей, тѣмъ самымъ не исключалъ проявленій радости по случаю столь важнаго въ человѣческой жизни событія, какъ бракъ. „Дѣлайте расходы, наряжайтесь въ свои праздничныя платья, говорилъ онъ: я не запрещаю вамъ этого. Но предавайтесь веселію въ добромъ сообществѣ“. Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ видно изъ его подробныхъ описаній, брачныя пиршества превращались въ шумныя безобразія, отъ которыхъ приходилъ въ движеніе весь городъ. Когда брачная процессія въ тишинѣ ночи съ пылающими факелами двигалась по улицамъ, то ея пѣсни и крики будили всѣхъ жителей, которые вскакивали съ своихъ постелей и выбѣгали на балконы

любодѣйна», на Быт. бес. 38 и 56; на Дѣян. 42, на 1 къ Кор. 12, къ Колос. 12. Тѣ же обычаи были и въ Антіохіи и въ Константинополѣ. Творенія латинскихъ отцовъ церкви показываютъ, что обычаи эти были и на западѣ.

¹⁾ См. Duchesne, *Origines du culte chretien*, p. 413.

и улицы, а за самой процессіей двигался разный сбродъ всякихъ уличныхъ бродягъ и праздношатаевъ, которые рады были случаю потѣшить себя сквернословіями и разными неприличными выходками и двусмысленными замѣчаніемъ на счетъ новобрачныхъ. „Такъ-то обезображено празднество, которое должно бы имѣть благородный семейный характеръ“¹⁾. Особенно возмущался проповѣдникъ тѣмъ участіемъ, которое предоставлялось въ брачномъ торжествѣ обычнымъ членамъ театровъ: пантомимистамъ и комедіанамъ, шутамъ и плясуньямъ, всей сворѣ „малакій“ и куртизанокъ. Всякій богатый домъ считалъ своимъ долгомъ приглашать ихъ на свадьбу, при чемъ они своими сладострастными пѣснями и плясками, недвусмысленнымъ остроловіемъ и прибаутками должны были поддерживать общее веселіе гостей. Это было возмутительно, тѣмъ болѣе, что шло даже прямо въ разрѣзъ съ установившимися правилами благопристойности. „Вы не водите своихъ женъ въ театръ, говоритъ Златоустъ; вы признаете, что мудрый обычай и сама природа запрещаетъ имъ присутствовать при столѣ расцвѣщенныхъ зрѣлищахъ, и вотъ въ день свадьбы вы дѣлаете изъ своего дома театръ“. Печальнѣе всего то, что при этомъ невольно и какъ бы намѣренно развращались тѣ дѣвицы и молодыя женщины, которыя сопровождали новобрачную. Имъ не слѣдовало бы совѣмъ участвовать въ этимъ сомнительныхъ торжествахъ, и не стыдно ли допускать этихъ дѣвицъ и женщинъ къ зрѣлищамъ, которыя прямо составляютъ школу распутства и прелюбодѣянія²⁾? Проповѣднику на это отвѣчали, приводя въ оправданіе то, что для сопровожденія невѣсты въ процессіи набирались дѣвицы не изъ богатыхъ и знатныхъ сословій, равныя ей по положенію, а изъ бѣдныхъ, иногда покупая ихъ какъ рабынь. Даже сознавая, слѣдовательно, непристойность этихъ увесе-

¹⁾ На 1 посл. къ Кориню. 12.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ св. І. Златоустъ говоритъ даже (на 1 посл. къ Кор. 12), что имъ среди этихъ оргій угрожала даже опасность быть обезчещенными. Подобные случаи брались неоднократно сюжетами для античныхъ комедій. Свадебныя церемоніи повидимому были еще скандальнѣе въ Африкѣ, чѣмъ въ Антиохіи, какъ объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ подробностямъ, сообщаемымъ блаж. Августиномъ (О градѣ Божіемъ IV. 11 и сл.).

леній, богачи оправдывались соображеніемъ, показывавшимъ, какъ мало они дорожили чужою честью, совершенно спокойно принося въ жертву честь и цѣломудріе бѣдныхъ дѣвицъ.

Но не въ этомъ еще было главное зло. Еще важнѣе было то, какое впечатлѣніе производили эти оргіи на молодыхъ супруговъ и особенно на молодую жену, которая, воспитываясь дотолѣ въ тишинѣ гинекей, теперь сразу вталкивалась въ самую средину всѣхъ этихъ безобразій и гнусностей. Проповѣдникъ опасается возможности того, что съ этого перваго вечера зародышъ прелюбодѣянія можетъ запасть въ сердце одного изъ супруговъ. Кто знаетъ, не окажется ли среди комедіанокъ, приглашенныхъ на свадьбу, одна изъ такихъ, которая обратитъ на себя вниманіе молодого супруга, или одинъ изъ актеровъ не найдетъ ли преступнаго благоволенія у молодой супруги? И св. Іоаннъ Златоустъ прямо заявляетъ, что подобныя вещи уже случались не рѣдко, и по какимъ нибудь выдающимся случаямъ въ жизни велико-свѣтскаго круга были настолько извѣстны всѣмъ, что достаточно было только намекнуть на это, чтобы всѣ поняли, въ чемъ дѣло.— Но подобныя церемоніи, несомнѣнно стоившія много, не были даже принадлежностью только богатыхъ классовъ. За богатыми тянулись и бѣдные, и такимъ образомъ къ нравственному позору присоединялось еще и полное матеріальное истощеніе или даже разореніе. Родители залезали въ неоплатные долги, бѣгали изъ дома въ домъ, выпрашивая у друзей или родственниковъ посуды, зеркаль и платьевъ, и выходило то, что по окончаніи торжествъ родители изнывали подъ тяжестью долговъ, а новобрачная, только что вчера еще окруженная богатствомъ и роскошью, назавтра, по возвращеніи всѣхъ взятыхъ на прокатъ вещей по принадлежности, оказывалась въ бѣдности и скудости, вызывавшихъ въ ней горькія слезы. Чтобы избѣгнуть этихъ непріятностей, проповѣдникъ убѣждаетъ родителей прекратить всѣ эти нечестивыя церемоніи съ процессіями и комедіанствомъ. Повеселиться можно, но для этого достаточно пригласить близкихъ друзей, сосѣдей и вообще хорошихъ знакомыхъ и не дѣлать непосильныхъ расходовъ. Если ужъ нужно приглашать кого нибудь изъ посторон-

нихъ, то вмѣсто шутовъ и плясуній лучше всего пригласить какихъ-нибудь бѣдняковъ, чтобы вмѣстѣ съ увеселеніемъ показать и добрый примѣръ христіанскаго благотворенія. При этомъ нельзя не замѣтить, что о чемъ бы ни трактовалъ св. І. Златоустъ, у него всегда все дѣло въ концѣ концовъ сводится къ милосердію и благотворенію. Конечно, онъ предвидѣлъ, что его совѣтъ можетъ показаться весьма страннымъ и неудобнымъ. Нищія на свадьбѣ!—нововведеніе весьма неудобопріемлемое, особенно въ томъ обществѣ, которое по своему суевѣрію предрасположено было видѣть въ этомъ одно изъ самыхъ печальныхъ предзнаменованій; въ его глазахъ это значило прямо осуждать новыхъ супруговъ на нищенство. Іоаннъ подвергалъ это суевѣріе рѣзкому осужденію, и чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, онъ обращался при этомъ не только къ разуму, но даже и къ своего рода честолюбію. Въдѣ еще никто никогда не дѣлалъ опыта подобнаго благотворенія: какая честь была бы тому, кто сдѣлалъ бы первый начинъ, а ему стали бы подражать другіе и такимъ образомъ установился бы прочный обычай!

Если всегда вообще трудно бороться съ укоренившимися обычаями и привычками, то тѣмъ труднѣе искоренять вѣковые обычаи, связанные съ такими важными событіями въ жизни, какъ рожденіе, бракъ или смерть. Современники Златоуста любили эти свадебныя пиршества не только потому, что они были веселы и шумны, на время такъ сказать узаконяли тѣ театральныя удовольствія, пантомимы, пѣсни и пляски, которыя не переставала запрещать церковь, но и потому, что въ силу укоренившейся привычки имъ трудно было и представить себѣ свадьбу безъ этихъ принадлежностей. Супруги, даже получивъ церковное благословеніе, едва могли вѣрить себѣ, что они женаты, если не состоялась *пѣрлп* по всѣмъ принятымъ правиламъ. Это обычай, постоянно отвѣчали Златоусту; все это освящено преданіемъ и дѣло законное (*зѣрпца*); отмѣнять обычаи значило бы не только создавать неудобство, обнаруживать недостатокъ въ умѣннн какъ слѣдуетъ жить, что уже само по себѣ было бы печально, но и показывать полное забвеніе своихъ обязанностей. И св. Іоанну приходилось

много и много разъ разъяснять своимъ слушателямъ, что не эти обряды и церемоніи составляютъ бракъ, но что сущность его состоитъ въ сожитіи ¹⁾). Хотя сопротивленіе было велико и упорно, однако нельзя не думать, что по временамъ его убѣжденія достигали своей цѣли, и побѣда бывала быстрая и рѣшительная. Главная бытъ можетъ изъ бесѣдъ, посвященныхъ этому предмету, именно 12-я бесѣда на посланіе къ Колоссянамъ, принадлежить ко времени его епископскаго служенія; она помѣчена Константинополемъ ²⁾). и въ ней, какъ и въ предшествующихъ бесѣдахъ, онъ не перестаетъ повторять, сколько труда стоила ему борьба съ этими обычаями и сколько онъ испытывалъ неприяностей. Одни, говоритъ онъ, ненавидѣли его за это, другіе смѣялись надъ нимъ и называли неразумнымъ. Но если ему и не удалось совсемъ искоренить этихъ обычаевъ, однако краснорѣчіе его не пропало даромъ: начатое имъ дѣло церковь продолжала вести и послѣ него, пока не достигла полнаго освященія брака какъ св. таинства.

II. Смотри на бракъ съ возвышенной христіанской точки зрѣнія, св. Іоаннъ Златоустъ, какъ и естественно, вмѣстѣ съ другими отцами и учителями церкви, горячо ратовалъ за нерасторжимость брака. Во времена имперіи господствовала крайняя распущенность въ греческихъ и римскихъ нравахъ: разводы были самымъ обычнымъ дѣломъ, совершались по самымъ пустымъ причинамъ и въ дѣйствительности, можно сказать, безъ всякихъ причинъ, просто по взаимному соглашенію супруговъ, послѣ чего заключались новые браки, такъ что въ сущности вводилось полное, хотя и послѣдовательное многоженство и многомужество. ³⁾Св. Іоаннъ, выступая поборникомъ воззрѣній церкви, рѣшительно запрещалъ мужу отвергать жену иначе какъ въ случаѣ прелюбодѣянія, „развѣ словесе любодѣйнаго“ ³⁾). Онъ признаетъ, что законъ

¹⁾ συνήθεια, на Быт. 16.

²⁾ Относится къ первымъ годамъ его епископствованія, вѣроятно къ 399 году

³⁾ παρεκτός λόγου πορνείας. Бес. на Матѣ. XVII, 62; Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни, О разводномъ письмѣ и пр.

этотъ труденъ, такъ что не даромъ ученики Іисуса Христа рѣзко выразили свое недоумѣніе, воскликнувъ: „Если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться“ (Матѳ. хіх, 10). То, что смущало апостоловъ, не могло не казаться до крайности жестокимъ для христіанъ IV вѣка. Они непрестанно возражали проповѣднику есылаясь на примѣры и постановленія Ветхаго Завѣта, прибѣгая при этомъ къ очень распространенному въ то время пріему полемики, особенно въ Антиохіи, гдѣ Іоаннъ часто встрѣчалъ со стороны своихъ слушателей такія резонерскія замѣчанія, которыя далеко не были чистосердечны. „Да, отвѣчалъ онъ, когда ему указывали на Моисеевъ законъ, — да, разводъ былъ допускаемъ древнимъ закономъ; но это было лишь во избѣжаніе худшихъ золь“¹⁾. Древній законъ собственно данъ былъ для іудеевъ, народа упрямаго и жестоковѣрнаго, мятежнаго и склоннаго къ кровавымъ вспышкамъ. Если бы стали принуждать этихъ буйныхъ и отчаянныхъ людей держать у себя женъ вопреки доброй волѣ, то мужъ скорѣе убилъ бы свою жену, которая перестала ему нравиться, чѣмъ жить съ нею. Такова была жестокость этого народа, который не щадилъ даже пророковъ и кровь проливалъ какъ воду²⁾. Но вновь избранному народу, вѣрнымъ сынамъ церкви Христовой, данъ болѣе совершенный законъ, и св. Іоаннъ Златоустъ напоминалъ объ этомъ тѣмъ съ большею настойчивостью, что даже при христіанскихъ императорахъ гражданскій законъ продолжалъ сохранять болѣшую приложимость и силу, чѣмъ законъ церковный, хотя и христіанское вліяніе уже давало о себѣ чувствовать на общемъ законодательствѣ, и особенно въ дѣлѣ брака³⁾.

Что касается второбрачія, то въ этомъ отношеніи св. І. Златоустъ почти ограничивается воспроизведеніемъ правилъ, предписываемыхъ ап. Павломъ. Во всякомъ случаѣ — второй бракъ позволителенъ; немощъ человѣческая такъ велика, что не имѣется разумныхъ основаній думать, чтобы можно было наложить на

¹⁾ На Ис. 1.

²⁾ На Матѳ. 17.

³⁾ Gide, Condition privée de la femme, кн. II, гл. 2.

вторые браки безусловное запрещеніе. Но лучше бы избѣгать ихъ. Вполнѣ однако зная, какъ мало такихъ, у которыхъ нравственное чувство окажется достаточно деликатнымъ, чтобы отказаться отъ второбрачія, св. Іоаннъ пытается приводить къ этой цѣли косвеннымъ путемъ. Онъ изображаетъ все неудобства второбрачія, которое подъ впечатлѣніемъ неизбѣжныхъ воспоминаній, невольныхъ сравненій съ прежнимъ является источникомъ всевозможныхъ распрей и ссоръ. Но особенно дѣти становятся источникомъ смутъ и вражды между супругами, которые бы обязаны любить ихъ. Если у второй жены нѣтъ дѣтей, то она будетъ ненавидѣть дѣтей своего мужа отъ перваго ложа, потому что они будутъ для нея постоянно служить живымъ укоромъ. Если у нея есть собственныя дѣти, то ревнивое предпочтеніе къ нимъ еще болѣе усилитъ ея ненависть къ другимъ. И наконецъ самое нарушеніе вѣрности первому брачному союзу постоянно будетъ предлогомъ недоувѣрять вѣрности нарушителя или нарушительницы и во второмъ, что опять способно причинять и сильныя нравственныя муки и служить источникомъ недоразумѣній и безконечныхъ укоровъ и подозрѣній, способныхъ отравлять супружескую жизнь ¹⁾). При этомъ разсужденіи однако невольно бросается въ глаза тотъ фактъ, что св. Іоаннъ Златоустъ вооружается лишь противъ второго брака, но ничего не говоритъ о третьемъ и четвертомъ. Это молчаніе можетъ означать и то, что если неодобрителенъ второй бракъ, то нечего говорить уже о дальнѣйшихъ, къ которымъ тоже неодобреніе приложимо въ усиленной степени; но съ другой стороны оно можетъ указывать и на то, что на востокѣ это зло не было развито въ такой степени, какъ въ Римѣ, гдѣ бывали случаи чудовищнаго многобрачія и мужчинъ и женщинъ ²⁾).

Постоянной заботой св. Іоанна Златоуста, когда онъ рисовалъ предъ своими слушателями идеальную картину христіанскаго

¹⁾ См. 2-е письмо къ молодой вдовѣ, особенно въ концѣ (стр. 389 и сл.).

²⁾ Блаж. Іеронимъ приводитъ примѣры, когда одинъ вдовецъ женился послѣдовательно на 20 женщинахъ, а одна вдова выходила въ замужество за 22 мужчинъ (Іерон. Epist. 123).

брака, или когда онъ показывалъ имъ, насколько далека была отъ него дѣйствительность, было возможно лучше обосновать полное равенство супруговъ, искоренить тотъ, еще сильно распространенный на греческомъ востокѣ предрасудокъ, что женщина по своимъ правамъ ниже мужчины. Объясняя совѣты, какіе ап. Павелъ давалъ вдовицамъ, онъ не упускаетъ случая намекнуть, хотя и не высказывая этого прямо, что ап. Павелъ разумѣетъ также и вдовцовъ: какъ вдовамъ, такъ вдовцамъ онъ одинаково совѣтуетъ избѣгать вступленія во второй бракъ. Особенно много усилій онъ употреблялъ къ на то, чтобы внушить, что невѣрность мужчины такъ же преступна, какъ и женщины, и что слово прелюбодѣяніе одинаковый имѣетъ смыслъ въ приложеніи къ обоимъ. Здѣсь, правда, проповѣдникъ встрѣчался съ противорѣчіемъ, находившимся между законами гражданскими и церковными, при чемъ многие считали себя достаточно обеспеченными отъ обвиненія въ извѣстной вольности широкой терпимостью гражданскаго законодательства. Большинство признавали только въ одномъ случаѣ прелюбодѣяніе со стороны мужчины, именно когда онъ, будучи самъ женатъ, вступалъ въ преступную связь съ замужней женщиной. Все остальное считалось простымъ блудомъ, а не прелюбодѣяніемъ. и поэтому допускалась большая снисходительность по отношенію къ связямъ съ куртизанками и любовнымъ похожденіямъ съ служанками, что все продѣлывалось безъ малѣйшаго смущенія. Одно глубокоинтересное письмо блаж. Иеронима, именно письмо къ Оцеану, гдѣ онъ восхваляетъ Фабіолу, вполне подтверждаетъ жалобы І. Златоуста: „Иные законы кесарей, восклицалъ Иеронимъ, иные законы Христа; предписанія Папиніана не то же, что предписанія Павла. Юриконсульты надѣваютъ узду на безстыдство людей, и осуждая только *stuprum* ¹⁾ и прелюбодѣяніе (онъ разумѣетъ преступленіе женатаго человѣка съ женой другого), они допускаютъ распутную любовь съ служанками и куртизанками, какъ будто положеніе, а не воля дѣлаетъ вину. У насъ же все, что запрещено женщинамъ, одинаково запрещено и мужчинамъ. и

¹⁾ О юридическомъ значеніи слова *stuprum* см. у Esmein, *Mélanges d'histoire du droit et de critique*, 161 и сл.

тѣже обязанности, при одинаковыхъ условіяхъ, возложены на обоихъ супруговъ“¹⁾). Фабіола дѣйствительно имѣла разводъ и вступила во второй бракъ, въ чемъ позже благородно и горячо каялась. Но ее упрекали не за второбрачіе только; ее упрекали и за разводъ. Если мужъ отпускалъ свою жену на основаніи прелюбодѣянія, то ничего не могло казаться проще этого; но если оскорбленная измѣной супруга, какъ это и было съ Фабіолой, отмщала супругу притязаніемъ на то же самое право, то это до крайности смущало всѣхъ распущенныхъ мужей, всѣхъ соблазнительей и посягателей грязныхъ притоновъ. Въ дѣйствительности и сама церковь часто допускала, что женѣ лучше продолжать сожителство и съ прелюбодѣйнымъ мужемъ, при чемъ приводилось въ основаніе нечуждое нѣкоторой силы соображеніе, что вѣрная жена мало по малу могла возвратитъ и своего мужа къ добродѣтели. Но уже св. Василій Великій обнаруживалъ большую строгость въ этомъ отношеніи²⁾), а св. Іоаннъ Златоустъ былъ неумолимъ въ проведеніи принципа полного равенства мужа и жены въ дѣлѣ отвѣтственности ихъ предъ нравственнымъ закономъ. Твердо настаивая на полномъ равенствѣ мужчины и женщины въ бракѣ, хотя это положеніе и смущало общественное мнѣніе его современниковъ, св. Іоаннъ особенно и намѣренно выдвигалъ этотъ принципъ въ своихъ проповѣдяхъ тѣмъ, что, проповѣдуя противъ прелюбодѣянія, онъ всегда обращается къ мужчинѣ. При этомъ онъ смѣло вторгается въ его самыя послѣднія убѣжища, безпощадно обнажаетъ всѣ его софизмы, которыми онъ пытается обмануть самого себя и усыпить свою совѣсть. Онъ описываетъ всѣ тѣ опасности, которымъ онъ подвергаетъ себя, непрерывныя опасенія, вѣчныя подозрѣнія, которыя всякій разъ отравляютъ запрещенное удовольствіе. Виновнаго мужа онъ отлучаетъ отъ церкви³⁾). И вообще сама церковь всегда съ особенною строгостью караетъ грѣхъ прелюбодѣянія, подвергая виновныхъ самымъ продолжительнымъ и тяжкимъ епитиміямъ. А

1) Hieron. Ep. 77.

2) Ep. 1, 9.

3) На св. Іоан. 63.

св. Іоаннъ Златоустъ еще болѣе усиливаетъ эту строгость, особенно въ виду того, что ему приходилось имѣть дѣло съ самымъ чувственнымъ и сладострастнымъ народомъ. Въ Сиріи, гдѣ во всѣ времена и климатъ, и преданія, и самыя культы благоприятствовали всякимъ излишествамъ, въ Антиохіи, откуда всегда выходили массы развеселыхъ флейтщицъ и куртизанокъ, которыя съ береговъ Оронта распространялись по всѣмъ большимъ городамъ, вплоть до самаго Рима, гдѣ онѣ были такъ хорошо знакомы всѣмъ въ извѣстномъ своею худою славою кварталѣ Большого цирка,—въ самой наконецъ столицѣ востока—Констанстантинополѣ, который по распущенности нравовъ быстро сравнялся съ Римомъ, св. Іоанну Златоусту постоянно приходилось встрѣчаться съ самыми закосяѣлыми грѣшниками, выступавшими съ возраженіемъ ему, что любовныя страсти имѣютъ роковую, непреодолимую силу. „Къ чему разглагольствовать? Я хорошо сознаю, что хотѣлъ бы побороть эти движенія моего сердца, но въ то же время чувствую, что не могу.—Нѣтъ, отвѣчаетъ Златоустъ, любовь не есть нѣчто роковое. Восхищеніе красотою есть дѣло роковое, но можно восхищаться красотой, не примѣшивая къ восхищенію никакого плотскаго желанія“. И при этомъ онъ съ тонкостью замѣчаетъ, что если бы это было не такъ, то красивую женщину любили бы всѣ безъ исключенія, и даже нельзя было бы воздержаться отъ (плотской) любви къ своей собственной матери¹⁾. Но какъ же вообще, не уставали забрасывать его своими возраженіями разные совопросники, какъ можно сохранить супружескую вѣрность, если человѣкъ по несчастью имѣетъ безобразную жену? Безобразныя жены и сами не признаютъ за собою особенно большого права жаловаться на измѣну имъ. Онѣ пытаются всячески удерживать у себя своихъ мужей тѣмъ, что восполняютъ недостатокъ красоты возможно болѣе красивой одеждой, и это часто служило даже лицемѣрнымъ извиненіемъ для ихъ кокетства. Когда

¹⁾ Интересно, что слушатели вели съ Златоустомъ какъ бы цѣлыя диспуты. На это послѣднее замѣчаніе они отвѣчали ссылкой на то, что кровосмѣшеніе противно самой природѣ (*homo naturalis*), но Златоустъ опровергалъ это положеніе, приводя въ примѣръ извѣстный обычай персовъ. На 2 посл. къ Коринѣ. 7.

Златоустъ преповѣдывалъ противъ кокетства, то ему возражали: но тогда что же останется дѣлать безобразнымъ женщинамъ? И онъ отвѣчалъ остроумной похвалою безобразію, говоря, что некрасивая женщина менѣе подлежитъ худой молвѣ и злословію. Мужъ красивой женщины уже напередъ есть неизбѣжная жертва ревности. Затѣмъ красивыя женщины лѣнивы, онѣ не хотятъ заниматься хозяйствомъ, всегда опасаются, какъ бы не замарать и не испортить своихъ красивыхъ и бѣлыхъ ручекъ. Некрасивая женщина болѣе дѣятельна и болѣе полезна. Кромѣ того, не зазорно ли въ дѣлѣ удержанія своего мужа разсчитывать лишь на тѣже прелести, какія предлагаютъ ему и куртизанки? Напротивъ, его нужно удерживать преданностью, любовію, всѣми качествами любви. Пусть онъ находитъ въ ней не женщину для развлеченія, въ родѣ тѣхъ, которыхъ всегда можно найти на сторонѣ, а любящую, цѣломудренную и серьезную христіанку, какихъ не найти ни въ театрѣ, ни въ циркѣ ¹⁾.

Въ одномъ изъ своихъ первыхъ произведеній св. І. Златоустъ описалъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ женщина, не смотря на всѣ свои добродѣтели, не могла удержать своего мужа. Это было семейство того несчастнаго Стагирія, человѣка безпокойнаго, больного, бывшаго быть можетъ жертвою наслѣдственнаго недуга (насколько можно судить по тому, что извѣстно о его отцѣ), который, истощенный подвигами, впалъ въ состояніе, близкое къ помѣшательству и бѣснованію. Отецъ Стагирія, человѣкъ высокаго происхожденія и съ большими средствами, бросилъ свою законную жену и открыто жилъ съ одной молодой содержанкой, отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей. Это былъ вообще человѣкъ, о которомъ св. Іоаннъ могъ говорить только съ крайнимъ презрѣніемъ, какъ о человѣкѣ неразсудительномъ, буйномъ и неспособномъ владѣть собою ²⁾. Нигдѣ еще въ своихъ бесѣдахъ онъ не дѣлаетъ такихъ точныхъ изображеній, такъ какъ обыкновенно воздерживается отъ личныхъ указаній и даже слишкомъ ясныхъ намековъ. Но въ данномъ случаѣ его разсужденія не оставляютъ сомнѣнія

¹⁾ На 1 посл. къ Тимое. 4.

²⁾ См. Слово второе къ Стагирію, стр. 190 и сл. (нов. русск. изд.).

въ томъ, что зло было очень велико, а между тѣмъ общественное мнѣніе не карало своимъ презрѣніемъ такихъ лицъ, которыя открыто вели столь соблазнительную жизнь, какъ это дѣлалъ отецъ Стагирія.

Но если св. Іоаннъ Златоустъ всячески настаивалъ на правахъ женщины, отстаивалъ отъ нея имени полное равенство обязанностей, взаимность обязательствъ со стороны обоихъ супруговъ, то отсюда еще вовсе не вытекало тожество ихъ дѣятельности и роли. Напротивъ, никто еще съ такою мудростью не опредѣлялъ ихъ особаго назначенія каждаго изъ нихъ, никто лучше Іоанна не обозначалъ границъ области ихъ вѣдѣнія и не указывалъ смысла ихъ дѣятельности. „Вотъ въ чемъ обязанности женщины: она смотритъ за домомъ, заботится о внутреннихъ дѣлахъ, наблюдаетъ за слугами и понукаетъ ихъ къ работѣ, трудится надъ изготовленіемъ одежды, даетъ тебѣ названіе отца, избавляетъ отъ блудницъ, помогаетъ соблюдать воздержаніе, подавлять жало плоти“¹⁾. — „Богъ не позволилъ всего безразлично мужчинѣ и женщинѣ, но раздѣлилъ между ними задачу. Женщинѣ домъ, мужчинѣ площадь. Мужчинѣ кормить своихъ обработкой земли; женщинѣ одѣвать ихъ тканями“²⁾. Пусть каждый изъ нихъ проводитъ свое время за своимъ дѣломъ. Это не помѣшаетъ имъ жить одною общою жизнью. Напротивъ это будетъ лучшимъ средствомъ для каждаго изъ нихъ оказывать свое вліяніе, и никто еще лучше Златоуста не изобразилъ того святого и благотворнаго вліянія, какое могутъ оказывать другъ на друга супруги, когда они любятъ другъ друга и хорошо понимаютъ свои обязанности. Съ истиннымъ изяществомъ изображаетъ онъ ту благотворную бдительность, на какую мужъ имѣетъ право въ отношеніи своей жены, а также и ту неощутительную власть, какую жена своею всепобѣждающею любовью можетъ мало по малу получить надъ нимъ. Свою жену нужно исправлять съ самою терпѣливою нѣжностью³⁾. Не хорошо, если супруги слишкомъ замѣтно наблюдаютъ другъ за другомъ, подозрѣваютъ

¹⁾ На 2 посл. къ Тессал. 5.

²⁾ На 1 посл. къ Коринѣ. 34.

³⁾ На Матѣ. 31.

другъ друга. Мужъ, который желаетъ исправить недостатки своей жены, долженъ беречься сначала, чтобы самому не давать повода къ упрекамъ; а какъ онъ можетъ избѣжать ихъ, если постоянно его нѣтъ дома, если онъ едва нѣсколько часовъ проводитъ въ ея сообществѣ? Пусть онъ и не слишкомъ сердится на подозрѣнія жены: они доказательство ея любви. Пусть онъ остерегается также подавать видъ, что слишкомъ занятъ какой-нибудь рабыней. Когда онъ такимъ образомъ будетъ сознавать, что самъ безупреченъ, то мало по малу можетъ дѣлать замѣчанія и съ своей стороны, сдерживать то необузданное стремленіе къ роскоши, которому предаются почти всѣ женщины. Въ дѣйствительности онѣ именно первыя стараются поддерживать или зажигать въ сердцѣ мужчины алчность и любовь къ наживѣ. При той маніи, которую онѣ имѣютъ къ постоянному сравненію своей участи съ участью другихъ, онѣ не перестаютъ стыдить своихъ мужей. „Смотри, какая роскошь у такой-то, какое платье у нашей сосѣдки? Какъ я кажусь жалкой рядомъ съ нею! Такъ-то ея мужъ сумѣлъ разбогатѣть!“ Но если мужъ своими добродѣтелями, своею вѣрностью приобрѣлъ любовь своей жены, то онъ можетъ подавлять всякую такую завистливость и честолюбіе; онъ можетъ внушить ей умѣренность, если только самъ понимаетъ цѣну ея ¹⁾. Пусть съ самаго дня свадьбы, говоритъ Златоустъ, мужъ умѣетъ прокладывать дорогу своему вліянію, и тогда онъ въ состояніи будетъ придавать надлежащее значеніе своимъ совѣтамъ и указаніямъ въ жизни. Если свадьба была простая, скромная, то невѣста не позволитъ себѣ предаваться несбыточнымъ мечтамъ касательно своего истиннаго положенія. Она не окажется на другое утро въ томъ смѣшномъ и удрученномъ состояніи, въ которомъ оказывается та, которая съ огорченіемъ видитъ, какъ уносятся изъ ея дома дорогіе ковры и красивая посуда, взятые только на прокатъ. Если свадьба была проста, то молодая женщина сразу пойметъ, что тотъ, съ которымъ она сочелась бракомъ, не расположенъ терпѣть излишествъ роскоши. „Вы улыбаются, находите смѣшнымъ всѣ эти совѣты; но попробуйте слѣдовать имъ, и вы найдете въ нихъ пользу“. Затѣмъ

¹⁾ На посланіе къ Ефес. 20.

онъ въ нѣсколькихъ деликатныхъ чертахъ набрасываетъ разговоръ, съ какимъ нужно обращаться къ своей женѣ на первыхъ порахъ брачной жизни, и показываетъ, съ какимъ тонкимъ умѣньемъ и съ какими любезностями нужно дать ей понять цѣну того выбора, который сдѣланъ по отношенію къ ней. Ей нужно сказать, что предпочтеніе предъ другими ей оказано вельдствіе ея нравственныхъ качествъ, ради ея добродѣтелей; я могъ бы найти жену болѣе богатую, болѣе высокаго рода (замѣчательна психологическая тонкость, съ какой Златоустъ избѣгаетъ намека на недостатокъ красоты), но я предпочелъ тебя вельдствіе того, что ты такъ нѣжна, проста и чиста ¹⁾). Этимъ можно упрочить въ женщинѣ ея добрыя природныя качества, можно даже возбудить ихъ, если они еще не настолько видимы или развиты у нея, что нужно говорить ей объ этомъ.

Но еще лучше можетъ женщина вліять на мужа, можетъ измѣнить его нравъ, преобразовать его, если только сумѣетъ. Сколько блага было бы для человѣчества, если бы она хотѣла всегда пользоваться этимъ своимъ нѣжнымъ, но непреодолимымъ вліяніемъ въ пользу добродѣтели и благочестія! Св. Іоаннъ Златоустъ затѣмъ возвращается къ своей любимой темѣ, что пусть женщина не воображаетъ, какъ она часто имѣетъ глупость думать, будто красотой и нарядами она можетъ привязать къ себѣ своего мужа. Онъ всегда можетъ найти въ этомъ отношеніи больше у куртизанки, чѣмъ она въ состояніи дать ему, если только она не предлагаетъ ему чего нибудь больше этого. Но если она покажетъ ему святую и чистую нравственность и любовь, то какое важное значеніе получаютъ для него всѣ ея совѣты! Когда она говоритъ, то сладокъ голосъ такой жены: ни голосъ друга не имѣетъ такой убѣдительности, ни голосъ отца или матери, ни голосъ начальника или князя не имѣетъ такой назидательности и силы. Совѣты вообще бываютъ какъ-то стѣснительны и непріятны. „Только совѣты, даваемые женою, имѣютъ обаяніе, какое свойственно только имъ — по причинѣ внушаемой ею любви“ ²⁾).

Нужно только слѣдовать этимъ совѣтамъ, и тогда между су-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ На ев. Іоанна 61.

пругами установится и будетъ царствовать то полнѣйшее согласіе, при которомъ бракъ не будетъ лишь пустымъ словомъ и которое между тѣмъ такъ рѣдко въ домашнемъ быту. Нечего уже и говорить о тѣхъ семействахъ, гдѣ мужъ бьетъ свою жену ¹⁾. Когда жена имѣетъ такое несчастіе, что ея мужъ подвергаетъ ее побоямъ, то она должна съ терпѣніемъ нести этотъ крестъ; но какой позоръ для мужчины — такъ грубо обращаться съ женой, когда не слѣдуетъ бить даже и рабынь! Мужъ, бившій свою жену, пусть знаетъ, что онъ совершаетъ преступленіе, равное оскорбленію или убійству родителей, и даже еще худшее преступленіе, потому что Самъ Богъ завѣщалъ оставить своего отца и свою мать и прилѣниться къ женѣ своей! Нужно избѣгать всякихъ поводовъ къ взаимному недовольству — вплоть до мелочныхъ столкновеній, взаимныхъ упрековъ или мимолетныхъ ссоръ. Не нужно доводить дѣло до разлада даже изъ побужденій, повидимому, почтенныхъ, какъ напр. когда жена хотѣла бы соблюдать воздержаніе безъ взаимнаго согласія. Въ IV вѣкѣ это явленіе въ христіанскихъ семействахъ было часто причиной раздоровъ и даже полного разрыва между супругами. Тѣмъ женамъ, которыя увлекаются честолюбіемъ такого незаконнаго цѣломудрія, св. Іоаннъ Златоустъ повторяетъ внушенія и наставленія, высказанныя св. ап. Павломъ: воздержанію можно предаваться только по обоюдному согласію ²⁾. Нужно приносить всѣ жертвы и даже воздержаніе, чтобы только обезпечить это столь желанное благо — согласіе между супругами; потому что можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе, что нибудь прискорбнѣе раздѣленій и ссоръ между тѣми, которые соединены столь священными узами? „Это есть война между членами одного и того же тѣла, самая ужасная изъ войнъ“. Но она никогда не вспыхнетъ, если мужъ умѣетъ любить жену, а жена умѣетъ уступать мужу. При нормальномъ положеніи дѣла, мужъ приказываетъ, а жена повинуется. Но что бы тамъ ни говорили глашатаи, негодующіе на мнимое нарушеніе здѣсь равноправности, нельзя думать, что для должнаго исполненія первой изъ этихъ двухъ различныхъ ролей

¹⁾ На 1 посл. къ Коринѣ. 26.

²⁾ На 1 посл. къ Кор. 19.

требуется будто меньше любви, чѣмъ для исполненія второй. Напротивъ, для исполненія ея требуется еще больше любви ¹⁾. Если по несчастію случится, что какую бы преданность ни обнаруживалъ, какую бы жертву ни принималъ на себя одинъ изъ супруговъ, другой будетъ упрямо оставаться въ своихъ неисправимыхъ недостаткахъ, то жертва должна терпѣть ихъ, и пусть возьметъ себѣ въ примѣръ Сократа ²⁾, который, имѣя злую жену, взбалмошную и даже предававшуюся вину, благодушно говорилъ, что это для него истинная школа философіи, упражняющая его въ терпѣннѣи и въ виду всѣхъ домашнихъ испытаній научающая его поступать по отношенію къ другимъ именно какъ разъ наоборотъ, чѣмъ поступаетъ съ нимъ его Ксантинна ³⁾.

А. Райнъ.

¹⁾ На посл. къ Колосс. 10.

²⁾ На 1 посл. къ Коринт. XXVI, 8.

³⁾ *Окончаніе слѣдуетъ.*

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЕГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

ЕСЛИ для правильности семейной жизни важно и необходимо точное разграниченіе областей вліянія и дѣятельности мужа и жены, то еще важнѣе въ этихъ видахъ основательное уясненіе существеннѣйшей и первѣйшей обязанности супруговъ, предъ которою всѣ другія отступаютъ на задній планъ. Самый бракъ имѣетъ свою цѣлю рожденіе и воспитаніе дѣтей, и если онъ не исполняетъ своего назначенія, когда у супруговъ не рождаются дѣти, такъ что они никогда не испытываютъ счастливѣйшаго сознанія своего родительства, то еще болѣе это примѣнимо къ тѣмъ супругамъ, которые, и сдѣлавшись родителями, не умѣютъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей достойныхъ носителей образа и подобія Божія. Рожденіе, какъ физическій актъ, само по себѣ не требуетъ какихъ либо нравственныхъ усилій, и дѣти могутъ родиться даже у родителей, которые встрѣчаютъ появленіе каждаго ребенка съ чувствомъ недовольства и досады; но для надлежащаго воспитанія дѣтей требуется множество условій и нравственныхъ усилій, и въ осуществленіи этой именно стороны супружеской жизни и обнаруживается вполнѣ, насколько супруги оказались на высотѣ своего призванія и насколько достигнута священнѣйшая цѣль заключеннаго ими союза. При заключеніи брака у нихъ преобладало лишь чувство взаимной любви съ примѣсью эгоистическаго желанія наследиться этою любовію. Теперь

¹⁾ Начало см. во II вып. «Христ. Чтенія» за наст. годъ.

при рожденіи дѣтей является новое чувство — любви къ третьему существу, которое по самому своему положенію требуетъ самаго тщательнаго и заботливаго о себѣ попеченія и ради блага котораго необходимо пожертвовать значительною частью того вниманія, которое отдавалось взаимнымъ супружескимъ отношеніямъ. При этомъ нерѣдко можетъ обнаружиться эгоизмъ супружеской любви и даже проявляться въ своего рода ревности, особенно и чаще всего со стороны мужа; но истинная супружеская любовь въ томъ именно и должна сказаться, что она съ обѣихъ сторонъ готова принести себя въ жертву новой привязанности и уступить мѣсто новому сладчайшему чувству — родительской любви къ дѣтямъ. Только при такомъ самоотреченіи супруговъ и возможно истинное воспитаніе дѣтей, и такъ какъ для этого очевидно требуются кромѣ естественной любви родителей къ дѣтямъ еще и нравственныя усилія, то св. Іоаннъ Златоустъ, какъ величайшій знатокъ человѣческаго сердца, не могъ не касаться и этой существеннѣйшей стороны въ семейныхъ отношеніяхъ, и дѣйствительно вопросъ о воспитаніи составляетъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ его бесѣдъ и поученій. Какъ проповѣдникъ, всю жизнь свою посвятившій учительству или духовному воспитанію своей паствы, онъ естественно болѣе чѣмъ кто нибудь понималъ, что пастырское слово тогда только можетъ приносить плодъ многій, когда оно падаетъ на добрую, уже подготовленную почву, а таковою она можетъ быть именно чрезъ воспитаніе дѣтей своими родителями въ добрыхъ началахъ религіи и нравственности.

Воспитаніе, по воззрѣнію св. Іоанна Златоуста, составляетъ неотъемлемую принадлежность родительства, такъ что и сами родители получаютъ свое право на этотъ высокій и важный титулъ не только за самое рожденіе дѣтей, но и за ихъ воспитаніе. Онъ прямо говоритъ: „То, что дѣлаетъ кого нибудь отцомъ, не есть только актъ рожденія, но еще и доброе воспитаніе; равно какъ и для того, чтобы быть матерью, не достаточно родить дѣтей, но и нужно еще умѣть кормить ихъ. Что я говорю истину, именно, что не кровь, а добродѣтель дѣлаетъ отцами, въ этомъ согла-

сятся съ нами сами родители“¹⁾. Такимъ образомъ оба родителя обязаны воспитывать своихъ дѣтей; но по самой природѣ вещей, воспитаніе, особенно въ его первыхъ стадіяхъ, болѣе принадлежитъ матери, чѣмъ отцу. Отецъ, какъ глава дома, обязанный заботиться о добываніи средствъ жизни, часто самими своими занятіями отвлекается отъ домашняго очага и больше пребываетъ на агорѣ, чѣмъ дома; напротивъ мать, которой принадлежитъ завѣдываніе внутренними дѣлами семейной жизни, постоянно привязана къ домашнему очагу и, будучи постоянно окружена дѣтьми, естественно болѣе понимаетъ ихъ потребности, ближе стоитъ къ ихъ духовному состоянію и развитію и потому является ближайшей и естественной ихъ воспитательницей. И когда св. Іоаннъ начинаетъ говорить объ этомъ, то его слова получаютъ особенный огонь восторженности, и невольно чувствуется въ нихъ, что когда онъ говоритъ о матери какъ воспитательницѣ, предъ нимъ живо возстаетъ дорогой образъ его собственной матери, которая всю душу свою положила на надлежащее воспитаніе своего сиротки - сына. Златоустъ, какъ извѣстно, былъ воспитанъ своею матерью Анѳусой. Онъ не помнилъ своего отца Секунда, послѣ котораго онъ остался безсознательнымъ малюткой, и напротивъ выросъ и воспитался на любящихъ рукахъ матери, самоотверженность которой въ этомъ отношеніи въ послѣдствіи вызвала удивленіе даже у знаменитаго ритора Ливанія. Узнавъ о томъ, что его даровитый ученикъ Іоаннъ воспитанъ былъ исключительно попеченіемъ своей матери, которая ради этой высокой цѣли материнства пожертвовала всю свою молодостью и всѣми удовольствіями свѣтской жизни, Ливаній невольно воскликнулъ: „ахъ, какія есть у христіанъ женщины!“ И она вполне заслужила этотъ восторженный отзывъ. Насколько можно судить по случайнымъ указаніямъ, это была не только любящая женщина, но и весьма умная и образованная. Всецѣло обязанный своимъ воспитаніемъ такой своей матери, Іоаннъ естественно и вообще склоненъ былъ придавать матерямъ величайшее

¹⁾ Бесѣды объ Аннѣ, I, 3.

значеніе въ области воспитанія, и обязанность эту выводилъ даже догматически—изъ самаго факта паденія рода человѣческаго чрезъ женщину. Наша прародительница причинила человѣчеству величайшее зло, нарушивъ заповѣдь Божію чрезъ вкушеніе запрещеннаго плода. Поэтому она, а чрезъ нее и другія женщины, какъ ея дочери, должны искупить предъ человѣчествомъ эту тягчайшую вину, и онѣ дѣйствительно искупаютъ ее прежде всего муками рожденія дѣтей, а затѣмъ и трудами по ихъ воспитанію въ доброй нравственности. „Жена, прельстившись, впала въ преступленіе, говоритъ ап. Павелъ; впрочемъ, доказываетъ апостоль, она спасется чрезъ чадородіе, если (дѣти ея) пребудутъ ¹⁾ въ вѣрѣ и любви, въ святости съ цѣломудріемъ“ ²⁾). Объясняя смыслъ этихъ словъ апостола и обращаясь къ женщинамъ. Златоустъ говоритъ: „Ты страдаешь потому, что первая женщина подвергла тебя болѣзни, мукамъ дѣторожденія, томительности продолжительной беременности? Но не огорчайся: эти муки, эти болѣзни не представляютъ для тебя ущерба равнаго той пользѣ, которую ты можешь, если только хочешь, извлечь, и онѣ даны тебѣ для того, чтобы ты могла находить случай для совершенія добра въ дѣлѣ воспитанія твоихъ дѣтей. И дѣйствительно дѣти твоего чрева, если ты даешь имъ надлежащее попеченіе, если твоя заботливость внушаетъ имъ добродѣтель, сдѣлаются для тебя источникомъ, причиною спасенія, и, кромѣ своихъ собственныхъ заслугъ, ты получишь великую награду за заботы, которыя ты посвятила этому дѣлу. И чтобы дать вамъ понять, что не рожденіе собственно дѣлаетъ матерью и что она не за-

¹⁾ Небезынтересно отмѣтить здѣсь своеобразное чтеніе текста у св. Іоанна Златоуста. По русскому синодальному переводу: «спасется чрезъ чадородіе, *если пребудетъ*», т. е. сама родительница у Златоуста напротивъ: ἐὰν ἐπιτείνωσιν относится къ дѣтямъ, т. е. если благодаря воспитанію отъ родительницы дѣти пребудутъ въ вѣрѣ и благочестіи. На этомъ чтеніи у него построено все толкованіе и изъ него именно только и можетъ вытекать логическое право женщины на общаемую ей награду, какъ достигнутую великими усиліями своей воли. Чтеніе Златоуста, впрочемъ, въ данномъ случаѣ сходно съ греческимъ textus receptus и странно, какомъ образомъ славянскій и русскій отступили отъ его буквы.

²⁾ 1 Тим. II, 14, 15.

служиваетъ за это никакой награды, ап. Павелъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ вдовицѣ, (одобрительно) говоритъ о ней, прибавляя: «если она *воспитала дѣтей*» (1 Тим. V, 10). Онъ не говоритъ: «если она имѣла дѣтей», но—«если воспитала дѣтей». И дѣйствительно, въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ сама природа, а во второмъ—воля. Вотъ почему въ приведенномъ выше мѣстѣ, сказавъ: «она спасется чрезъ чадородіе», онъ не останавливается на этомъ, а желая показать, что награда заслуживается не произведеніемъ дѣтей на свѣтъ, а надлежащимъ ихъ воспитаніемъ, онъ прибавляетъ слѣдующее: «если (дѣти) пребудутъ въ вѣрѣ и любви, въ святости съ цѣломудріемъ». Это значить: твоя награда будетъ хорошей, если дѣти, которыхъ ты произведешь на свѣтъ, пребудутъ въ любви и святости. Если такимъ образомъ ты внушишь имъ эти добродѣтели, если ты убѣдишь ихъ въ этомъ, если ты научишь ихъ этому, если ты своимъ совѣтомъ утвердишь ихъ въ этихъ добродѣтеляхъ, то Богъ весьма наградитъ тебя за твои труды и заботы“¹⁾). Заботы по воспитанію дѣтей въ добродѣтели такъ важны, что Златоустъ въ одномъ мѣстѣ готовъ сравнить воспитаніе съ священнодѣйствіемъ, и жертва, которую приноситъ женщина-мать, воспитывая своего ребенка въ добрѣ и посвящая его Богу, выше даже той жертвы, которую приносили священники на алтарь всесожженія²⁾). Въ примѣрѣ такой великой воспитательницы, не оставившейся предъ принесеніемъ своего горячими слезами выплаканнаго сына на служеніе Богу, Златоустъ приводитъ мать Самуила Анну, въ честь которой онъ произнесъ пять глубоко-замѣчательныхъ бесѣдъ³⁾). Указывая на этотъ доблестный примѣръ, Златоустъ восторженно восклицаетъ: „Матери, подражайте этой матери! Мужчины, соревнуйте съ этою женщиною! Будемъ относиться къ нашимъ дѣтямъ съ такою же попечительностію, будемъ воспитывать ихъ съ такою же бдительностію въ исполненіи добродѣтелей и особенно цѣломудрія“⁴⁾). И когда онъ вос-

1) In Annam, I, 3 и 4.

2) In Annam III, 3.

3) Будутъ помѣщены въ IV томѣ новаго русскаго изд.

4) In Annam, I.

хваляетъ эту благочестивую женщину, которая, какъ онъ говорить, была въ одно и то же время и отцомъ и матерью,—женщину, которая невольно воспроизводилась въ его памяти, когда онъ начиналъ говорить о материнствѣ и воспитаніи,—ту женщину, красота души которой возбуждала удивленіе, а глаза, наполненныя слезами и пламенной молитвой, воспламеняли чистѣйшую любовь, то въ этихъ восторженныхъ словахъ невольно звучали глубокотрогательныя ноты собственныхъ воспоминаній Златоуста изъ временъ сладкаго дѣтства, когда онъ имѣлъ счастье быть предметомъ нѣжнѣйшаго и тѣлеснаго и духовнаго попеченія со стороны своей матери Анѳусы, воспитавшей для человѣчества какъ бы новозавѣтнаго Самуила ¹⁾!

Самъ получивъ домашнее воспитаніе, св. Іоаннъ Златоустъ вообще мало знакомъ былъ собственно со школьнымъ складомъ жизни современнаго ему общества, и потому въ его твореніяхъ лишь изрѣдка встрѣчаются указанія на эту жизнь. Правда, школы такъ называемыхъ грамматиковъ и риторовъ были довольно многочисленны въ такомъ большомъ городѣ, какъ Антиохія, и потому пастырь церкви, близко жившій съ своею наставою, не могъ, конечно, не знать и этой важной стороны въ жизни населенія своего роднаго города; но знаніе это во всякомъ случаѣ было уже болѣе теоретическимъ и случайнымъ, почему и указанія на него ограничиваются лишь случайными примѣрами. Такъ, изъ одного приводимаго имъ примѣра, взятаго изъ жизни школьниковъ, можно заключать, что дисциплина въ школахъ его времени была весьма суровая и наказанія были весьма обыкно-

¹⁾ Вотъ въ подлинности эти восторженные слова: «Я не могу отстранить эту женщину изъ своихъ мыслей,—настолько я восхищаюсь красотой ея души и ея внутренними прелестями. Я люблю эти очи, наполненныя слезами во время молитвы и постоянно озабоченныя; эти уста, которые никогда не обременялись какими нибудь снадобьями, а украшались лишь благодарностью къ Богу. Такою была эта восхищающая меня женщина потому, что она была мудрая; но я еще болѣе восхищаюсь ею потому, что она была въ одно и то же время и мудрая и женщина». In Annapm IV, 3. Вотъ истинный идеаль женщины-матери, и благо тому народу, въ которомъ онъ находитъ много женщинъ, готовыхъ стремиться къ его осуществленію!

веннымъ явленіемъ. Златоустъ, чтобы нагляднѣе изобразить положеніе грѣшника, рисуетъ картину состоянія школьниковъ—въ страшный для нихъ моментъ „спрашиванія“. Всѣ школьники, еще недавно чувствовавшіе себя безопасно и благодушно, подтянулись и затрепетали, въ ожиданіи, на кого сердитый учитель обратитъ свое грозное вниманіе и начнетъ спрашивать, приготовившись уже и производить экзекуцію надъ лѣнивцами и малопонятными. Въ то время, какъ учитель спрашиваетъ одного изъ нихъ, всѣ остальные стараются поскорѣе повторить и пробѣжать заданный урокъ, но это уже мало помогаетъ. Учитель весьма требователенъ и доходитъ до тонкостей, за незнаніе нѣкоторыхъ подвергаетъ беспощаднымъ побоямъ. Другіе, видя это, чуть живы отъ страха, и если кто нибудь изъ неунывающихъ шалуновъ изподтишка нанесетъ ударъ своему сосѣду, то тотъ не имѣетъ смѣлости отвѣтить ему тѣмъ же, а въ ожиданіи худшихъ ударовъ отъ суроваго педагога старается лучше усвоить заданный урокъ, и всѣ заняты одною и тою же мыслью — какъ бы выйти изъ школы безъ наказанія. Но вотъ классъ закончился и у всѣхъ отлегло на душѣ. Подвергшись наказанію, или счастливо избѣгнувъ его, всѣ школьники оживаютъ и возвращаются къ прежнему безопасному настроенію, какъ будто только что пережитыхъ ужасовъ совсѣмъ и не бывало ¹⁾).

При недостаточной развитости школьнаго дѣла въ древности, тѣмъ большее распространеніе имѣла система собственно домашняго образованія чрезъ наемныхъ учителей, и это воспитаніе цѣнилось выше и даже было своего рода предметомъ честолюбія богатыхъ людей, которые считали нѣсколько унижительнымъ для своихъ

¹⁾ Западные писатели гораздо сообщительнѣе по вопросу о школьной жизни того времени. Такъ испанскій поэтъ Пруденцій, жившій около этого времени, довольно подробно рассказываетъ о дняхъ своей школьной жизни, и его описаніемъ нравовъ грамматиковъ вполнѣ подтверждается извѣстіе о суровости древней школьной дисциплины, для которой *ferulae sonogae* признавались высшимъ проявленіемъ педагогической мудрости и авторитета. Неудивительно, что со времени жестокаго Орблія при Горациѣ до учителя, упоминаемаго Марціаломъ, истый педагогъ былъ *«invisum pueris virginibusque caput»* — «существомъ, ненавистнымъ для мальчиковъ и дѣвочекъ».

дѣтей посѣщеніе общихъ школъ, гдѣ ихъ дѣти могли сидѣть рядомъ съ дѣтьми какихъ нибудь презрѣнныхъ плебеевъ или вообще недостаточно знатныхъ и важныхъ по своему общественному положенію классовъ. Эта система домашняго образованія была развита какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, причемъ учителя нанимались изъ свободныхъ грамматиковъ, риторовъ и философовъ, всегда готовыхъ предложить свои услуги за приличное вознагражденіе, а иногда и прямо изъ рабовъ—или нарочито приготовлявшихся для этой цѣли, или покулавшихся на рынкѣ. На западѣ, повидимому, преобладалъ послѣдній типъ, а на востокѣ первый, и наемные педагоги составляли какъ бы особое сословіе, въ средѣ котораго всегда можно было найти достаточный запасъ учителей и воспитателей. Можно думать, что св. Іоаннъ Златоустъ получилъ свое домашнее образованіе именно при помощи наемныхъ учителей. Имена ихъ не сохранились—быть можетъ потому, что они ступевывались предъ заботливымъ и все-направляющимъ вліяніемъ самой Аноусы, которая, какъ женщина весьма образованная, была его главной воспитательницей, руководившей всей системой воспитанія своего единственнаго любимца-сына. Другія дѣти не всегда были такъ счастливы въ этомъ отношеніи. Какъ всегда, такъ и въ то время было не мало такихъ родителей, которые, произведя дѣтей на свѣтъ, не обращали надлежащаго вниманія на ихъ воспитаніе и считали свою обязанность исполненною, когда окружали дѣтей учителями и воспитателями изъ класса профессиональныхъ педагоговъ и грамматиковъ, всегда готовыхъ предложить свои услуги за приличное вознагражденіе. Небрежность родителей въ самомъ выборѣ учителей для своихъ дѣтей была часто возмутительна. Имъ не было никакого дѣла до того, каковы нравственныя качества учителей или ихъ педагогическія способности. Достаточно, чтобы эти учителя пользовались извѣстною популярностью и не дешево цѣнили свой трудъ, и имъ открытъ былъ доступъ во всѣ знатныя и богатые дома. Эта небрежность возмущала Златоуста и онъ рѣзко укорялъ за нее. „Можно бы сказать, говорилъ онъ однажды, что мы о своихъ дѣтяхъ меньше заботимся, чѣмъ о рабахъ;—что я го-

ворю—о рабахъ?—даже меньше, чѣмъ объ ослахъ и лошадяхъ. Вѣдь если дѣло идетъ о погонщикѣ или конюхѣ для нихъ, мы стараемся найти какъ можно лучшаго, который былъ бы чело-вѣкомъ честнымъ, не воръ и не пьяница, и хорошо зналъ свое дѣло. Но если требуется найти учителя для нашего сына, мы беремъ наугадъ, безъ разбора, перваго пришедшаго. А между тѣмъ нѣтъ въ мірѣ еще дѣла болѣе важнаго, чѣмъ воспитаніе. И въ самомъ дѣлѣ, что можно сравнить съ искусствомъ образо-вывать и упорядочивать умъ и сердце молодого человѣка? Тому, кто занимается этимъ, нужно имѣть больше способности и стара-тельности, чѣмъ скульптору и живописцу. А мы вовсе не ду-маемъ объ этомъ, и единственная вещь, о которой мы заботимся въ воспитаніи, это — научить ихъ хорошо говорить; да и объ этомъ заботимся лишь съ грубыми видами на наживу и деньги“¹⁾. Къ сожалѣнію этотъ укоръ не потерялъ еще своего жизненнаго значенія и для нашего времени.

Какъ въ школахъ, такъ и при домашнемъ воспитаніи дѣти получали обычное классическое образованіе, состоявшее въ изу-ченіи знаменитыхъ древнихъ писателей прозы и поэзіи. Система эта въ теченіе минувшихъ вѣковъ утвердилась настолько, что ея не въ состояніи было поколебать и христіанство. Даже и послѣ того, какъ христіанство явилось въ качествѣ силы, которая все возрождала и перерабатывала, и всю жизнь человѣчества, какъ и всякой отдѣльной личности, ставила на совершенно новыя основы, продолжало сохранять свое значеніе то установившееся воззрѣніе, что изученіе классическихъ писателей составляетъ не-обходимое приготовленіе для всякаго житейскаго подрища, и та-кой ригористъ, какъ Тертуліанъ, высказывая свое извѣстное по-ложеніе, что *instrumentum ad omnem vitam litteratura* („класси-ческая литература есть руководство ко всей жизни“), выражалъ лишь господствующее мнѣніе какъ своего, такъ и послѣдующаго времени. Отсюда естественно заключеніе, что и св. Іоаннъ Зла-тоустъ также получилъ классическое образованіе, которое онъ

¹⁾ In St. Math., LX.

уже въ юношескихъ лѣтахъ завершилъ спеціальнымъ образованіемъ въ школѣ ритора Ливанія и философа Андрагаѳіа. Едва ли нужно говорить о томъ, что такое классическое образованіе имѣло свои невыгодныя стороны, такъ какъ, вводя дѣтей въ сказочный міръ классической мифологіи съ ея не всегда высоко нравственными примѣрами, не могло не вносить смуты и колебанія въ міросозерцаніе молодежи, которой суждено было присутствовать при великой борьбѣ двухъ системъ изъ-за господства въ мірѣ, и если это переходное время было такъ обильно различными ересіархами, сумасбродами и вѣроотступниками, то въ этомъ несомнѣнно отчасти повинна была именно система классическаго образованія. Для неокрѣпшаго и не утвердившагося еще достаточно въ христіанскомъ міросозерцаніи общества эта система была искусственнымъ средствомъ поддержанія стараго, отживавшаго язычества и вмѣстѣ оправданіемъ тѣхъ остатковъ его въ новомъ христіанскомъ обществѣ, съ которыми должны были вести непрестанную борьбу все лучшіе представители христіанства. Но эта невыгодная сторона классическаго образованія въ дѣлѣ воспитанія самого Златоуста находила себѣ счастливый противовѣсъ въ томъ, что онъ воспитывался въ истинно христіанскомъ домѣ, подъ бдительнымъ руководствомъ своей благочестивой матери и ея духовныхъ руководителей—епископа и пресвитеровъ. Поэтому въ его воспитаніи классическое образованіе занимало именно то мѣсто, какое ему должно принадлежать, какъ подготовительной ступени къ истинному образованію, совершающемуся уже по совершенно инымъ началамъ. Классическое образованіе для него имѣло лишь характеръ и значеніе умственной гимнастики и средства уловить историческую связь между двумя столь различными мірами—древнимъ языческимъ и новымъ—христіанскимъ, а положительное содержаніе его умъ черпалъ уже прямо изъ новыхъ источниковъ—священныхъ книгъ христіанства. Чтеніе Св. Писанія составляло такой существенный элементъ его воспитанія и образованія, что оно именно заполняло собою весь объемъ его сознанія, и когда классическое образованіе исполнило свою указанную роль, то оно безъ ущерба вытѣснено было этимъ новымъ

элементомъ. И дѣйствительно, св. Іоаннъ Златоустъ, какимъ онъ выступаетъ предъ нами въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ, совершенно свободенъ отъ своего школьнаго образованія—не только отъ его содержанія, но даже и самыхъ формъ его. Для свободной, истинно христіанской души Златоуста былъ слишкомъ тѣсенъ и жалокъ этотъ отживавшій міръ съ его условными формами и одряхлѣвшимъ содержаніемъ, и потому онъ рѣшительно перешелъ на новую почву, гдѣ христіанская свобода представляла необъятный просторъ его богопросвѣщенному генію. Съ этими убѣжденіями онъ и вышелъ изъ школы и жизнь еще болѣе утвердила его въ этомъ возрѣніи. Какъ ни блестящи и ни звучны были періоды въ рѣчахъ Ливанія, но Златоустъ отбросилъ ихъ, предпочтя этой риторикѣ простое изложеніе жизненной правды. Какъ ни остроумна была философія Андрагавія, но Златоустъ скоро убѣдился, что она слишкомъ мелка для того, чтобы постигнуть глубину жизни и дать истинное удовлетвореніе запросамъ безсмертной души, и потому впослѣдствіи, отбросивъ самое понятіе философіи въ ея старомъ смыслѣ, сталъ употреблять это слово совершенно въ новомъ, христіанскомъ смыслѣ, понимая подъ нимъ чистѣйшее любомудріе, какъ духовное подвижничество въ отрѣшеніи отъ всей суеты міра сего. Такимъ именно убѣжденіемъ и опредѣляются взгляды Златоуста на классическое образованіе. Зная, что только при исключительныхъ обстоятельствахъ оно находитъ себѣ надлежащій противовѣсъ въ твердомъ христіанскомъ убѣжденіи и что напротивъ огромное большинство учащихся лишено этой духовной защиты, онъ относился къ классическому образованію не сочувственно и, не отвергая его вполне, предостерегалъ отъ увлеченія имъ. И это было вполне логично со стороны великаго проповѣдника христіанства, стоявшаго на стражѣ вѣры въ полуязыческомъ городѣ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, увлекаться книгами устарѣлыхъ языческихъ писателей, когда у христіанина есть свои собственные писатели, оставившіе творенія, которыя неизмѣримо превосходятъ всю древнюю литературу своею назидательностью, представляя неисчерпаемый источникъ высочайшихъ истинъ? Отсюда вполне понятно, если Златоустъ предостерегалъ.

своихъ слушателей отъ ознакомленія особенно съ мифологіей грековъ. „Прошу васъ, говорилъ онъ, не вѣдряйте въ вашихъ дѣтей басней греческихъ, но съ самаго нѣжнаго возраста научайте ихъ страху Божию“ ¹⁾. Только такое воспитаніе и можетъ установить нормальныя отношенія между родителями и дѣтьми, приучая послѣднихъ къ послушанію своимъ родителямъ. „Хочешь ли, говоритъ Златоустъ, чтобы сынъ твой былъ послушенъ тебѣ?—Воспитывай его въ ученіи и правилахъ Господнихъ. Опасайся считать излишнимъ для него изученіе бож. Писанія, потому что тамъ именно онъ прежде всего научится почитать своего отца и свою мать. Такое воспитаніе полезно тебѣ. Не говори: оно хорошо только для монаховъ; неужели мнѣ сдѣлать своего сына монахомъ? Конечно нѣтъ,—нѣтъ надобности дѣлать его монахомъ; но сдѣлай его христіаниномъ. Люди міра сего именно и нуждаются въ изученіи Св. Писанія, а дѣти болѣе чѣмъ кто нибудь. Въ эти лѣта бываетъ большой недостатокъ въ разумѣ, а этотъ недостатокъ еще болѣе усиливается отъ чтенія языческихъ книгъ, гдѣ научаются восторгаться тѣми, которыхъ называютъ героями, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они рабы страстей и трусливы предъ смертью, какъ напр. Ахиллъ, который предается мщенію и умираетъ за наложницу, или всѣ другіе, предающіеся вину и распутству. Въ качествѣ противоядія нужно предлагать дѣтямъ наши книги. Да и не безумно ли посылать ихъ въ школы краснорѣчія, когда они еще не знаютъ о дѣлахъ Божіихъ? Мы сами первые и пожинаемъ плоды такого воспитанія и наши сыновья бываютъ заносчивы, нетерпѣливы, непослушны, грубы. Повѣрьте мнѣ,—будемъ поступать иначе, и слѣдуя совѣту апостола, будемъ наставлять ихъ въ познаніяхъ Господнихъ. Будемъ сами давать имъ примѣръ въ этомъ и пусть они съ самаго нѣжнаго возраста изучаютъ наши божеств. Писанія. Я такъ часто твержу вамъ объ этомъ, что вы можете счесть все это вздоромъ. И не смотря на это, я не перестану исполнять свою задачу“ ²⁾. Не высокаго мнѣнія Златоустъ былъ и объ

¹⁾ In Аппам, I.

²⁾ На посл. къ Ефес. XXI.

изученіи юриспруденціи. Хотя онъ и самъ изучалъ ее вмѣстѣ со всѣми образованными людьми своего времени, но онъ на опытѣ убѣдился, что при тогдашнемъ состояніи вещей юриспруденція въ значительной степени потеряла въ своей первоначальной чистотѣ, и вмѣсто того, чтобы быть въ полномъ смыслѣ наукой о правѣ и служить къ водворенію правды между людьми, она превратилась въ искусство софистическаго обѣленія всякихъ темныхъ дѣлъ и сдѣлалась страшнымъ орудіемъ въ дѣлѣ оправданія всякой неправды и насилія. Были конечно и славныя исключенія, такъ что и само христіанство дало государству не мало доблестныхъ юристовъ, подвизавшихся на поприщѣ защиты правды, но эти исключенія подтверждали лишь преобладающее правило и потому нисколько не опровергали мудраго недовѣрія къ нравственному значенію тогдашней юриспруденціи.

Изъ всего изложеннаго видно, что главнымъ предметомъ, который болѣе всего занималъ Златоуста, было воспитаніе нравственное, и онъ полагалъ, что наилучшимъ средствомъ для этого можетъ быть не школа, а сама семья, какъ очагъ и источникъ истинно здоровой нравственности. Но для этого и сама семья должна подвергнуться глубокому преобразованію, такъ чтобы семейная жизнь вполнѣ соотвѣтствовала своему идеалу. И въ этомъ отношеніи христіанство могло достигнуть несравненно большаго успѣха, чѣмъ всякая другая система. Языческая философія тоже дѣлала попытки и усилія въ этомъ отношеніи, но безуспѣшно, и потому въ теченіе всего существованія римской имперіи семья имѣла таковой складъ и характеръ, что ребенку трудно было уберечься отъ нравственно сомнительныхъ вліяній и примѣровъ, часто становившихся прямо опасными. То, что говорить въ этомъ отношеніи Квинтиліанъ, сохраняло свое значеніе и послѣ него, потому что общество, до полнаго торжества христіанства, не терпѣло глубокихъ измѣненій или переворотовъ. Этотъ мудрый Квинтиліанъ, который не былъ лишь знаменитѣйшимъ изъ риторовъ, ихъ учителемъ въ изысканности рѣчи и тонкости ума, какъ и въ широтѣ опыта, но который кромѣ того почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ великую возвышенность чувствъ, —

Квинтиліанъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ риторики, какъ онъ ее понималъ, не только орудіе изощренія ума, но и образованія характера, превосходно изобразилъ тѣ опасности, которыя происходили отъ безпечности родителей. Даже и сатиристъ Ювеналъ серьезно указывалъ на то, какъ необходимо относиться къ дѣтямъ съ крайнею осторожностью и попечительностью, и если принять во вниманіе, съ какою настойчивостью вообще римскіе писатели говорили объ этомъ, то это послужитъ достаточнымъ показателемъ того, какъ велико было зло, съ которымъ они считали своимъ долгомъ бороться. Тѣмъ болѣе зло это должно было возмущать такого христіанскаго правоучителя, какимъ былъ Златоустъ, и онъ не переставалъ трудиться надъ преобразованіемъ семьи, чтобы сдѣлать ее истиннымъ очагомъ нравственнаго воспитанія. Главнымъ источникомъ нравственнаго зла въ семьѣ было, конечно, рабство, которое именно и составляло роковую язву, нравственно разъѣдавшую и подтачивавшую древнее общество, и Златоустъ, вполне понимая это, по своему обычаю рѣзко и безъ стѣсненія обнажалъ рану, стараясь объ ея исцѣленіи. „Нравы, говорилъ онъ, вотъ что болѣе всего должно занимать насъ, когда дѣло идетъ о юншествахъ; потому что съ этой стороны и угрожаютъ наибольшія опасности, эта именно сторона и есть наиболѣе уязвимая. Несомнѣнно, что когда мы видимъ одну изъ своихъ служанокъ, ходящую туда и сюда со свѣтильникомъ въ рукѣ, мы совѣтуемъ ей избѣгать такихъ мѣстъ, гдѣ находится сѣно, солома или еще что нибудь подобное, такъ какъ малѣйшая искра, упавшая нечаянно, можетъ сжечь весь домъ. Не будемъ же менѣе предусмотрительны и въ отношеніи къ нашимъ сыновьямъ, и не позволимъ ихъ взглядамъ проникать туда, гдѣ находятся соблазнительныя служанки, назойливыя дѣвицы, безстыдныя рабыни, но будемъ давать имъ строгія приказанія и постараемся, въ случаѣ если имѣется у насъ такая служанка или сосѣдка этого рода, или вообще предвидится какая-либо опасность, чтобы они ни взглядомъ, ни съ разговорами не проникали туда, изъ опасенія, чтобы не заронила тамъ какая нибудь искра, которая можетъ объять всю душу и сдѣлать паденіе неизбежнымъ.

Будемъ удалять ихъ также отъ вольныхъ и неприличныхъ словъ, чтобы они не соблазнились ими какъ какимъ нибудь волшебнымъ очарованіемъ. Не будемъ водить ихъ ни въ театры, ни на пиршества, гдѣ опьяняются; но будемъ оберегать молодыхъ людей даже съ большею заботливостью, чѣмъ дочерей, которыя вообще не выходятъ изъ гиникея (терема). Ибо нѣтъ еще болѣе прекраснаго наряда для молодого возраста, какъ вѣнецъ умѣренности и слава вступленія въ бракъ чистымъ отъ всякаго развращенія“. Къ сожалѣнію, дѣйствительность далеко не соответствовала этому идеалу и отцы поступали какъ разъ наоборотъ, чѣмъ предписывалъ проповѣдникъ. О воспитаніи своихъ сыновей они менѣе заботились, чѣмъ даже о воспитаніи своихъ рабовъ. За послѣдними они наблюдали по крайней мѣрѣ изъ расчета, исправляли ихъ малѣйшіе недостатки, чтобы впослѣдствіи не потерпѣть отъ нихъ. Рядомъ съ этимъ они нисколько и не думали о будущности самихъ дѣтей и не старались о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ подготовить ихъ къ жизни. Внутри дома отцы давали имъ самыя худыя примѣры, а внѣ дома они повсюду водили ихъ съ собою—въ бани, въ театры, повсюду—за исключеніемъ церкви ¹⁾. Въ предостереженіе этимъ безпечнымъ или слабымъ отцамъ, Златоустъ приводитъ примѣръ первосвященника Ілія, который навлекъ на себя и на весь свой народъ тяжкое наказаніе и бѣдствіе именно за то, что нерадѣлъ о надлежащемъ воспитаніи своихъ сыновей ²⁾. Но вообще это зло пустило такіе глубокіе корни, небрежность въ отношеніи воспитанія дѣтей была такою общею слабостью отцовъ, вѣчно занятыхъ интересами агоры и общественно-политическихъ дѣлъ, что Златоустъ не особенно много полагался на нихъ, и всю надежду въ дѣлѣ вос-

¹⁾ На Матѣ. LIX, и на посл. къ Ефес. XXII.

²⁾ На I посл. къ Тим. IX. Ливаній подтверждаетъ справедливость этихъ укоровъ Златоуста, показывая, что отцы доводятъ свое потворство до крайней слабости. «Отцы, говорилъ онъ, заняли мѣста сыновей, а сыновья мѣсто отцовъ; отцы именно трепещутъ, а сыновья ругаются... Иногда отцы восторгались своими сыновьями изъ-за того, что тѣ продѣлывали какія нибудь глупости въ школахъ, и съ гордостью говорили: «это будутъ знаменитые весельчаки». См. Ed. R e i s k e, Discours, p. 502, 442 и слѣд. P u e s h, Chrysostome p. 128.

питанія возлагалъ на матерей, ставя имъ въ примѣръ Анну, какъ образецъ истиннаго материнства.

Въ виду того, что ни школа, ни семья при наличномъ ихъ состояніи не могли давать болѣе или менѣе крѣпкаго нравственнаго закала, у Златоуста явилась особая идея, которая не только теперь, но и тогда могла казаться многимъ весьма странною и крайнею, хотя въ дѣйствительности она вытекаетъ изъ глубокаго проникновенія въ нравственное существо человѣка. Онъ именно находилъ полезнымъ, чтобы молодые люди, пройдя общее и специальное образованіе, предъ тѣмъ какъ вступать въ жизнь, провели нѣкоторое, и притомъ не особенно короткое время въ монастырѣ. Эту мысль онъ высказываетъ въ третьей книгѣ своей въ защиту монашества ¹⁾, и изъ этой же книги мы узнаемъ, что если большинство отцовъ отнеслись къ такой мысли съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ, то съ другой стороны было не мало и такихъ, которые приняли ее и старались осуществить на практикѣ. Для самого Златоуста эта мысль была тѣмъ естественнѣе, что онъ самъ осуществилъ ее на себѣ, такъ какъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ отшельника въ пустынь, среди окружающихъ Антиохію горъ. Но онъ поступилъ въ монашество не сразу по окончаніи своего образованія, а сначала вкусилъ плодовъ мірской жизни, и только уже почувствовавъ ихъ горечь, искалъ успокоенія и укрѣпленія въ отшельничествѣ. Имѣя такой личный опытъ, Златоустъ теперь хотѣлъ предостеречь своихъ юныхъ собратій, чтобы они не особенно снѣшили пользоваться плодами жизни, которые имѣютъ ту печальную особенность, что чѣмъ скорѣе воспользоваться ими, тѣмъ скорѣе они дадутъ почувствовать свою горечь, влекущую грустныя разочарованія. И значеніе этого совѣта не ограничивается только личнымъ испытаніемъ. Въ основѣ его лежитъ глубокая психологическая правда. Конечно, если такой совѣтъ могъ казаться страннымъ и почти смѣшнымъ уже въ то древнее время, когда духъ отшельничества и аскетизма такъ сказать носился въ

¹⁾ См. въ I книгѣ I-го тома нов. изданія трактатъ «Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни. Слово третье—къ вѣрующему отцу», парагр. 9, стр. 94 нов. изд.

воздухъ, то неудивительно, что тѣмъ болѣе страннымъ онъ можетъ показаться теперь, когда надъ всѣми деспотически властвуетъ духъ міра сего, находящій въ базарѣ житейской суеты высшій смыслъ человѣческой жизни, и потому вполне понятно, что даже такой вообще объективный и спокойный излагатель воззрѣній Златоуста, какъ Пюешъ, въ данномъ мѣстѣ не воздержался отъ полемики, и опровергаетъ этотъ совѣтъ великаго святителя почти съ такою же горячностью, съ какой обыкновенно полемизируютъ новѣйшіе антагонисты-соціологи. И чего только онъ не наговорилъ въ этой полемикѣ! Осуществленіе такого совѣта, по его мнѣнію, повлекло бы за собою чуть не ниспроверженіе всего общественнаго строя, такъ какъ-де лучшіе молодые люди, крѣпкіе и духомъ и тѣломъ, побывавъ въ монастырѣ, навѣрно и останутся тамъ или поступятъ въ ряды духовенства и такимъ образомъ общество лишится лучшихъ своихъ элементовъ, или наоборотъ, слабые люди, не выдержавъ монастырской дисциплины, потеряютъ равновѣсіе въ своемъ существѣ и превратятся въ энтузіастовъ или фанатиковъ, вредныхъ и церкви и обществу. Но такія соображенія очевидно не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, потому что выходятъ изъ предвзятаго отрицанія самаго совѣта и построены на односторонности. Достаточно взглянуть на дѣло прямо, и оно ясно будетъ какъ день. Всѣмъ по опыту извѣстно, какъ молодые люди, заканчивая свое школьное образованіе, поскорѣе рвутся въ тотъ заманчивый для нихъ міръ жизни, который огражденъ былъ для нихъ стѣнами школы. Этотъ міръ рисуется какъ полный обаянія и всякихъ прелестей, и молодые люди, вступая въ него, ни о чемъ не думаютъ, кромѣ того, какъ они полною горстью будутъ брать отъ жизни всё ея наиболѣе заманчивыя блага. Конечно, суровая дѣйствительность скоро разбиваетъ эти радужныя мечты и разсеиваетъ иллюзіи, убѣждая молодыхъ людей, что жизнь вовсе не есть поле, усыпанное цвѣтами, которые остается только рвать и наслаждаться ими. Нѣтъ, жизнь есть борьба и притомъ весьма суровая, такъ что преодолеваютъ ее только наиболѣе закаленные натуры, а остальные ослабѣваютъ и гибнутъ. Отсюда неизбѣжны самыя горькія разочаро-

ванія и для многихъ жизнь скоро превращается въ тяжкое, невыносимое бремя. И все это потому, что молодые люди вступаютъ въ жизнь, не имѣя въ себѣ достаточнаго нравственнаго закала и не собравъ въ себѣ надлежащихъ духовныхъ силъ для предстоящей борьбы. И вотъ въ этомъ-то именно отношеніи совѣтъ Златоуста и получаетъ свое глубокое психологическое значеніе. По нему, молодой человѣкъ, даже снабженный всѣми свѣдѣніями и знаніями, какія только можетъ дать школа, еще не достаточно готовъ для житейской борьбы. Онъ долженъ еще укрѣпиться нравственно, подвергнуть себя духовному испытанію, вдали отъ тревожныхъ внѣшняго міра пожить своимъ внутреннимъ духовнымъ міромъ, взвѣсить свои нравственныя силы и только тогда, во всеоружіи и умственныхъ и нравственныхъ силъ, вступать на поприще дѣйствительной жизни. Тогда ему не страшны будутъ никакія разочарованія и всѣ невзгоды житейской бури не въ состояніи будутъ сломить его закаленного самоиспытаніемъ духа. Совѣтъ Златоуста очевидно вытекалъ изъ того же источника, изъ котораго исходило исторически извѣстное явленіе, что всѣ великіе люди, оказавшіе наибольшее вліяніе на теченіе жизни человѣчества, предъ выступленіемъ на житейское поприще, обыкновенно проводили по нѣсколько лѣтъ въ пустынь, гдѣ именно они и проходили школу нравственнаго самовоспитанія и самоукрѣпленія, закалявшаго ихъ для житейской борьбы. Такъ, именно было съ Моисеемъ, Іоанномъ Крестителемъ, Самимъ Іисусомъ Христомъ, ап. Павломъ и многими другими. Конечно, не всѣ—великіе люди, но они образецъ для всѣхъ и обыкновенныхъ людей, и если для нихъ необходима была эта школа нравственнаго самовоспитанія въ пустынь, вдали отъ суеты міра, то тѣмъ болѣе она необходима для обыкновенныхъ людей—съ ихъ маленькими духовными силами, и можно быть увѣренными, что если бы дѣйствительно въ той или другой формѣ осуществлялся совѣтъ великаго святителя, лѣтопись человѣческой жизни не была бы такъ испещрена надрывающими душу неудачами и разочарованіями, какъ она является въ дѣйствительности. Мы разсматриваемъ вопросъ, конечно, принципиально, и ничего не говоримъ о формѣ, такъ какъ иначе пришлось бы говорить и о томъ,

какую постановку должны имѣть сами монастыри, чтобы исполнѣ отвѣчать своему назначенію въ данномъ случаѣ. Это совсѣмъ другой вопросъ, но что вообще совѣтъ св. Іоанна Златоуста основанъ на глубокомъ знаніи нравственной потребности природы человѣческой, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Если задача воспитанія дѣтей представляется весьма трудною при наличности содѣйствія обоихъ родителей—отца и матери, то понятно, что она еще болѣе усложняется, когда умираетъ отецъ и всѣ заботы о воспитаніи дѣтей переходятъ къ одной вдовѣ-матери. Св. Іоаннъ Златоустъ видѣлъ во вдовствѣ своего рода нравственный крестъ, который нужно было нести похристіански, самоотверженно: онъ не совѣтовалъ вдовамъ вступать во второй бракъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ съ положеніемъ вдовицы въ древнемъ обществѣ связывались такіа затрудненія, что дѣло воспитанія для нея крайне осложнялось. Златоустъ часто говоритъ о тѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергались вдовы, и въ виду того, что при защитѣ ихъ онъ употребляетъ весьма энергичныя выраженія, можно думать, что они вызывались именно самымъ свойствомъ положенія вдовъ въ его время. „Какъ ужасны горести вдовства, восклицаетъ онъ отъ лица своей матери,—о которыхъ знаютъ только тѣ, которыя сами понесли это испытаніе“ ¹⁾! — „Не видимъ ли мы ежедневно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, какъ расхищаются имѣнія вдовъ, какъ ограбляются сироты“ ²⁾? Еще въ одномъ мѣстѣ онъ изображаетъ, какъ эти бѣдныя вдовы, жертвы своей неопытности, низведенныя въ состояніе нищеты, пользуются проѣздомъ императора чрезъ свой городъ для того, чтобы вопіять къ нему о заступничествѣ и умолять его о всемогущемъ покровительствѣ ³⁾. Впрочемъ вдовы бывали разныя. Было не мало такихъ, которыя смотрѣли на вдовство какъ на освобожденіе отъ прежней зависимости и, пользуясь независимостью, сами проматывали наслѣдство своихъ дѣтей, другія поснѣшно выходили опять въ заму-

1) О священствѣ, слово I, 5.

2) На Быт. XLVIII.

3) In Appam, I.

жество или, что еще хуже, лицемерно соблюдая маску благоприличія въ глазахъ общества, тайно вступали въ незаконную связь. Такія вдовы заслуживали не ободренія, а укора. Зато тѣмъ большаго сочувствія заслуживали тѣ, которыя, или имѣя себѣ преданнаго покровителя въ комъ нибудь изъ родственниковъ, или полагаясь на свое собственное благоразуміе, самоотверженно управляли сами своимъ осиротѣлымъ семействомъ и домомъ. Одною изъ такихъ симпатичныхъ женщинъ была молодая вдова нѣкоего Оирасія, къ которой Златоустъ обращался съ прекраснымъ утѣшительнымъ посланіемъ и которая находила себѣ совъѣтъ и покровительство у одного изъ своихъ дядей. Равнымъ образомъ и Анеуса, мать самого Златоуста, оставшаяся послѣ преждевременной кончины Секунда вдовою въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, была совершеннѣйшимъ образцомъ вдовы, какъ по чистотѣ своей жизни, такъ и по мудрому управленію дѣлами. Глубокопризнательное изображеніе ея сдѣлано самимъ Златоустомъ въ книгѣ „о Священствѣ“, гдѣ онъ описываетъ, съ какою нѣжностью она воспитывала своего сына, самоотверженно наблюдая за его дѣтствомъ и отрочествомъ до возмужалости, какъ мудро и хлопотливо управляла имѣніемъ, чтобы въ цѣлости сохранить его для подрастающаго наслѣдника и, обезпечивая его изъ своихъ матеріальныхъ средствъ, предоставляла ему всецѣло и безпрепятственно отдаваться наукамъ. Не даромъ эта истинно христіанская вдова вызвала восторженный отзывъ даже отъ язычника Ливанія, который, узнавъ обо всемъ этомъ, невольно воскликнулъ: „Ахъ, какія у христіанъ есть женщины!“ Слѣдуя такому высокому примѣру, и каждая мать-христіанка могла бы достойно осуществлять свое назначеніе даже въ качествѣ воспитательницы своихъ дѣтей, не смотря на всю тяжесть вдовьяго положенія.

Разсуждая о роли родителей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, св. І. Златоустъ ясно отмѣчалъ существенные недостатки, свойственные тому или другому полу, и если въ отношеніи отцовъ онъ опасался нѣкоторой небрежности съ ихъ стороны, хотя нисколько

не возставалъ противъ возможной суровости или даже жестокости, злоупотребленій отцовскою властью, которымъ потворствовали, не смотря на прогрессивное смягченіе нравовъ, само законодательство и обычаи, то въ отношеніи матерей онъ болѣе всего опасался излишняго потворства и слабости, какъ наиболѣе свойственныхъ женской натурѣ. Поэтому онъ старается вслѣдствіе предостерегать матерей противъ такой слабости и побудить къ необходимой строгости материнское сердце, всегда склонное къ излишней нѣжности. Онъ напоминаетъ имъ слова премудраго сына Сирахова: „Есть у тебя сыновья?—учи ихъ, и съ юности нагибай шею ихъ“ (Сир. VII, 25), и въ подтвержденіе святости власти родительской приводитъ постановленіе божественнаго закона: „Кто злословитъ отца своего или свою мать, того должно предать смерти“ (Исх. XXI, 17). Если вдовы-матери надлежащимъ образомъ исполняютъ свой долгъ, и воспитаютъ своихъ дѣтей въ добродѣтели и страхъ Божіемъ, то въ награду имъ обѣщается слава и честь, равная даже несравненной славѣ дѣвственницъ ¹⁾).

IV. Семейная жизнь имѣетъ страшнаго врага, посягающаго на ея цѣлость и благополучіе, и этотъ врагъ есть смерть, которая безпощадно заноситъ свою губительную косу надъ тѣмъ или другимъ членомъ семьи, иногда въ тотъ самый моментъ, когда она начинаетъ благоустраиваться или чувствовать свое удовлетвореніе. Какъ часто бываетъ, что однимъ ударомъ сражается или молодой отецъ семейства, или кормилица-мать, или у молодыхъ родителей похищается единственный плодъ ихъ супружеской любви, и только что взлелѣянное счастье разбивается въ прахъ, повергая осиротѣвшихъ членовъ въ неутѣшное горе! Поэтому хотя апостоль убѣждалъ христіанъ „не скорбѣть объ усопшихъ“ и его назиданіе постоянно поддерживалось и развивалось отцами и учителями церкви, однако сила естественнаго чувства брала свое и апостольское слово не воспринималось во всей его строгости и полнотѣ. Какъ свадьбы служили поводомъ къ соблазнительнымъ увеселеніямъ, такъ и похороны обставлялись обычаями и церемоніями,

¹⁾ На слова: «Вдовица да причитается»... 7 и сл.

которыхъ не могла одобрять церковь. Какъ въ отношеніи свадебныхъ торжествъ, такъ и въ отношеніи погребальныхъ церемоній поддержанію ихъ содѣйствовала двоякая причина: съ одной стороны повелительный, непреодолимый инстинктъ, вступавшій въ борьбу съ христіанствомъ, которое, какъ могло казаться, не ограничиваясь преобразованиемъ природы, хотѣло совершенно подавить ее, а съ другой—языческія поколѣнія передали христіанскимъ поколѣніямъ такое наслѣдіе преданій, съ которыми никакъ не могли порвать сразу послѣднія. Поэтому отцамъ и учителямъ церкви приходилось много употреблять усилій на борьбу съ этими языческими останками, и Златоустъ придавалъ вопросу о преобразованіи похоронныхъ обычаевъ даже больше значенія, чѣмъ преобразованію характера свадебныхъ торжествъ и увеселеній. И это было вполнѣ основательно, потому что чрезмѣрность горя и отчаянія могла, такъ сказать, наносить ударъ самой вѣрѣ и представляла нѣчто въ родѣ открытаго отреченія отъ нея. Если когда, то именно въ этотъ торжественный моментъ, предъ лицомъ смерти, и нужно было вѣрующему доказать, что онъ достоинъ своей вѣры и что „христіанство есть не дѣтская игрушка и не пустое дѣло“, какъ выражался Златоустъ ¹⁾). Конечно, святитель отнюдь не думалъ оспаривать законность скорби. Если бы даже его вообще нѣжное, любящее сердце не подкачивало ему, что человѣку по самой природѣ свойственно предаваться скорби, то онъ конечно не могъ забывать того, что даже Христосъ отдавалъ дань этой скорби и проливалъ слезы, и евангелистъ свидѣтельствуетъ, что Онъ плакалъ о Лазарѣ, потому что любилъ его. „Я не запрещаю печали, говорилъ Златоустъ, но запрещаю только чрезмѣрность скорби“ ²⁾). Было бы весьма интересно, если бы Златоустъ гдѣ нибудь подробно изобразилъ тѣ чувства, какія онъ испыталъ въ то время, когда потерялъ свою мать, свою горячо любимую Аноусу. Онъ не открылъ намъ этой своей скорби, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ испыталъ сильный приступъ жестокой скорби, хотя конечно

1) Οὐκ ἔστι παύσιμα ὁ χριστιανισμὸς, ἀγαπητοί, οὐδὲ πρᾶγμα παρέρχον.

2) Вездѣ «объ усопшихъ».

онъ былъ настолько силенъ духомъ, что въ состояніи былъ сдерживать свои слезы и въ глубинѣ своего сердца сокрыть и похоронить свое безпредѣльное горе.

При всей нѣжности и чувствительности его сердца, чрезмѣрные внѣшнія проявленія скорби объ умершихъ ему, какъ выразителю христіанскаго упованія, естественно должны были казаться грѣховными и преступными. И онъ съ сильнымъ негодованіемъ возставалъ противъ нихъ. Чтобы понять ясно его негодованіе, нужно вообще не забывать, что въ его время обращеніе міра въ христіанство еще не было полнымъ или закончившимся: общество раздѣлялось на два враждебныхъ лагеря и состояло наполовину изъ христіанъ и наполовину изъ язычниковъ. При всей ихъ враждебности, между ними по необходимости происходило взаимное общеніе, вносившее крайнюю неустойчивость въ воззрѣніяхъ. Язычники притомъ не прочь были воспользоваться всякою непослѣдовательностью своихъ противниковъ-христіанъ, чтобы посмѣяться надъ недѣйствительностью ихъ ученія. Положеніе дѣлъ было почти такое же, какимъ вызвано было приведенное выше изреченіе апостола. „Мы плачемъ, а язычники говорятъ: какой же смыслъ имѣетъ то ученіе о воскресеніи, которое у нихъ постоянно на устахъ? Они хвастаются, они обманываютъ насъ, когда притворяются, будто вѣрятъ въ это бессмысленную мечту“ ¹⁾. Или въ другомъ мѣстѣ, развивая ту же тему, Златоустъ говоритъ: „Когда мы плачемъ, язычники говорятъ: какъ же они могутъ выдержать свою собственную смерть, если даже смерть ихъ ближнихъ совершенно ниспровергаетъ ихъ? Это—хвастовство съ ихъ стороны, когда они утверждаютъ, что ихъ вѣра даетъ имъ спокойствіе и мужество“ ²⁾. Такимъ образомъ, даже во избѣжаніе такихъ нареканій со стороны язычниковъ, мы должны воздерживаться отъ чрезмѣрной скорби. Прежде и болѣе всего нужно избѣгать соблазна, а наихудшій изъ соблазновъ—тотъ, который набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на состоятельность самой вѣры,

1) Бес. «объ усопшихъ».

2) На посл. къ Евр. IV.

поддерживаетъ невѣріе и даетъ поводъ къ кощунству и богохульству ¹⁾).

Противъ столь настойчивыхъ и принудительныхъ доводовъ христіане какъ въ Антиохіи, такъ и въ Константинополѣ конечно не въ состояніи были отвѣтить что-нибудь основательно. Но въ то же время они были слишкомъ остроумны и любили поспорить, чтобы позволить себѣ закрыть уста даже такими убѣдительными и основательными доводами. При этомъ они не прочь были прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ и соблазнительнымъ приемамъ. Такъ въ оправданіе своей слабости они прибѣгали къ текстамъ Писанія, которые такъ или иначе можно было истолковать въ ихъ пользу, или старались истолковать ихъ въ иномъ, отличномъ отъ прямого, смыслѣ, а иногда прямо осмѣливались подвергать критикѣ тѣ тексты, которые Златоустъ приводилъ въ подтвержденіе своихъ обличеній. Такъ, когда Златоустъ, желая отвлечь своихъ слушателей отъ чрезмѣрной привязанности къ гробамъ своихъ умершихъ, какъ затѣнявшей предъ сознаніемъ мысль о безсмертіи души, говорилъ, что гробъ не имѣетъ большого значенія и не важно, гдѣ погребенъ будетъ прахъ, то слушатели старались опровергать это мнѣніе, ссылаясь на примѣръ Іакова, который прямо выражалъ желаніе, чтобы его кости были погребены въ землѣ его отцовъ ²⁾). Подобнымъ же образомъ они возражали и въ оправданіе своего плача и причитанія при похоронахъ ³⁾, и св. І. Златоусту приходилось много разъ и настойчиво разъяснять имъ, какое глубокое различіе находится между ветхимъ и новымъ законами. Напротивъ, слова Христа: „оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“ большинству изъ нихъ казались жестокими и негуманными, и они не стѣснялись иногда прямо заявлять объ этомъ. Проповѣдникъ долженъ

¹⁾ Совершенно такія же мысли развивалъ и святой Кипріанъ въ своемъ разсужденіи «О смертности», гл. XX и слѣд. Это очевидно былъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ въ вѣрѣ того переходнаго времени и требовалъ со стороны отцовъ и учителей церкви наибольшей охраны.

²⁾ На Быт. LXXVI.

³⁾ На Быт. LXVII.

быль вдаваться въ подробное истолкованіе этихъ словъ, чтобы исполнѣ уяснить ихъ смыслъ своимъ слушателямъ, и чтобы не смущать совѣсти немощныхъ, долженъ былъ даже допускать нѣкоторыя уступки имъ. Да, говорилъ онъ, эти слова дѣйствительно были бы жестокими, если бы Иисусъ Христосъ разумѣлъ при этомъ только похороны. Но божественное созерцаніе Христа не было ограниченнымъ на подобіе нашего. Онъ зналъ, что послѣ похоронъ обыкновенно занимаются наслѣдствомъ, и вотъ тутъ-то и начинаются тѣ ссоры и дразги, которыя омрачаютъ память умершаго, такъ что не присутствовать при нихъ значитъ больше оказать чести умершему, чѣмъ близкимъ участіемъ въ его погребеніи — со всеми сопровождающими его житейскими расчетами.

„Но, скажетъ кто нибудь, не быть при погребеніи отца не было ли бы знакомъ крайней неблагодарности? — Если бы (юноша) сдѣлалъ это по лѣности, то оказалъ бы неблагодарность; но если сдѣлалъ это для того, чтобы не прервать болѣе необходимаго дѣла, то въ этомъ случаѣ удалиться было бы знакомъ величайшаго неразумія. Конечно Иисусъ запретилъ (юношѣ идти на погребеніе своего отца) не потому, чтобы повелѣвалъ не воздавать почтенія родителямъ, но для того, чтобы показать, что ничто не должно быть для насъ необходимѣе небеснаго, и что съ великимъ тщаніемъ должно стараться объ этомъ и ни мало не должно отлагать оное, хотя бы отвлекали отъ него самыя нужныя и неотложныя дѣла. Но если ты еще удивляешься и смущаешься тѣмъ, что ему не было дозволено находиться при погребеніи отца, то прими во вниманіе то, почему малодушнымъ многіе не даютъ знать о смерти ихъ ближнихъ и не допускаютъ ихъ быть при погребеніи, хотя бы умеръ отецъ, или мать, или сынъ, или другой кто либо изъ родственниковъ, и мы за это не обвиняемъ ихъ въ жестокости и безчеловѣчій, и очень справедливо. Напротивъ, допускать малодушныхъ предаваться плачу и было бы именно дѣломъ жестокимъ“¹⁾.

Въ чемъ же состояли тѣ выраженія скорби, которымъ до

¹⁾ На Матѣ. XXVII, стр. 566—568, Моск. изд. 1846 г.

полнаго отчаянія предавались плакавшіе объ умершихъ? Златоустъ не отвергалъ этихъ выраженій съ ригористическою строгостью и напротивъ допускалъ тѣ изъ нихъ, которыя вошли уже въ обычай и не противорѣчили духу церкви. Такъ онъ допускалъ употребленіе новыхъ и богатыхъ пеленъ, въ которыя облакаемы были покойники. Эти пелены на востокъ, какъ и по всей имперіи, состояли изъ бѣлыхъ полотняныхъ матерій, часто сильно пропитанныхъ ароматами. Пруденцій говоритъ о нихъ въ гимнѣ, составленномъ имъ для употребленія при погребеніи ¹⁾. Въ нихъ видѣли какъ бы прообразъ воскресенія, земной символъ безсмертнаго одѣянія, въ которое должна нѣкогда облечься очищенная плоть. Златоустъ допускалъ затѣмъ употребленіе факеловъ и свѣчей, которыя, какъ видно изъ свидѣтельства блаж. Иеронима, были несены священниками при погребеніи Павлы ²⁾. Съ ними также соединился таинственный смыслъ: „Скажите мнѣ, что означаютъ сверкающіе свѣточы? Не для того ли они употребляются, чтобы провожать покойниковъ, какъ увѣнчанныхъ побѣдителей“ ³⁾. Пѣніе псалмовъ онъ считалъ особенно пригоднымъ для того, „чтобы прославлять Бога и воздать Ему благодареніе за то, что Онъ увѣнчалъ почившаго“ ⁴⁾. Этотъ обычай уже давно вошелъ во всеобщее употребленіе среди христіанъ, и составленный Пруденціемъ гимнъ былъ какъ бы новымъ псалмомъ, приспособленнымъ именно къ этому обстоятельству. При погребеніи, по свидѣтельству св. Іоанна Златоуста, особенно въ употребленіи были псалмы XXII, XXXI и CXIV ⁵⁾.

Но допуская законныя проявленія скорби, Златоустъ настойчиво изобличалъ и преслѣдовалъ такія выраженія, которыя отзывались язычествомъ. Такъ онъ не допускалъ черныхъ одеждъ въ знакъ траура ⁶⁾. Особенно онъ осуждаетъ чрезмѣрныя выраженія скорби у женщинъ. Вотъ по площади тянется похоронная про-

¹⁾ Prud. Cathemerinon X.

²⁾ Jer. Ep. 108 § 29

³⁾ На посл. къ Евр. IV.

⁴⁾ Тамъ же

⁵⁾ См. на посл. къ Евр. IV, 5.

⁶⁾ Тоже и св. Клиріанъ въ De Mortalitate, 20.

цессія, въ которой изъ любопытства, какъ и въ свадебныхъ процессіяхъ, Принимають участіе и многіе язычники, и предъ лицомъ этихъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, женщины рвутъ на себѣ волосы, расцарапываютъ щеки ¹⁾, хотя при этомъ не было недостатка въ такихъ кокеткахъ, которыя просто желали обратить на себя вниманіе и показать свои красивыя руки. Но этому церемоніальному или дѣйствительному плачу и скорби предавались не одни только родственники умершаго; христіане не хотѣли разстаться съ однимъ изъ крайне неприличныхъ обычаевъ, по которому нанимались особыя плакальщицы, цѣлыя хоры плакальщицъ ²⁾. Этотъ обычай особенно распространенъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ Іоаннъ Златоустъ болѣе всего и боролся съ нимъ. Такъ какъ обычай настолько укоренился, что одни слова обличенія не дѣйствовали, то Златоустъ прибѣгалъ даже къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Въ одной изъ бесѣдъ на посланіе къ Евреямъ онъ даже угрожаетъ отлученіемъ. Нанимать плакальщицъ, говорить онъ, значитъ совершать формальное идолослуженіе ³⁾. Будучи вообще противникомъ всякой роскоши и богатства, Златоустъ поэтому горячо возставалъ противъ чрезмѣрной пышности и огромныхъ издержекъ, которыми часто просто изъ-за тщеславной выставки сопровождалась похороны. Онъ хотѣлъ даже ограничить и обычай употребленія ароматовъ, хотя и не запрещалъ его совсѣмъ, имѣя въ виду евангельскіе примѣры. Вооружался онъ и противъ злоупотребленій въ облаченіи покойниковъ, для чего часто употреблялись слишкомъ дорогія матеріи, такъ что онѣ привлекали воровъ, среди которыхъ даже образовалась особая специальность расхитителей гробницъ ⁴⁾. Чтобы отвратить воровъ, иногда нарочито драгоцѣнныя матеріи разрывались и пропитывались благовоніями, чтобы сдѣлать ихъ непригодными для обыкновеннаго употребленія. При погребеніи важныхъ сановниковъ процессія пріобрѣтала огромные размѣры: за

1) Вес. объ усопшихъ; на посл. къ Θεсс.; на Іоанн. LXXII.

2) Φρηγοῦσάν ὑφ' ὀφθαλμοῦ. На Іоанн. LXXXV.

3) На посл. къ Евр. IV, 6.

4) Τὸν βραβύχου.

печальной колесницей слѣдовали толпы рабовъ и рабынь, одѣтыхъ въ саваны; лошади въ траурномъ убранствѣ, ведомые конюхами, также сопровождали своего господина къ мѣсту его упокоенія, и вообще похороны представляли такое зрѣлище пышности и суеты, что Іоаннъ не зналъ, негодовать ли на него, или просто сожалѣть о томъ, насколько люди склонны быть рабами суетности даже предъ лицомъ страшнаго факта смерти ¹⁾. Не ускользнулъ конечно отъ его вниманія и обычай прославлять покойниковъ пышными и въ несчастію лживыми надписями на памятникахъ, и онъ обличаетъ какъ эту лицемѣрную лживость, такъ и неразуміе самой заботы о сооруженіи великолѣпныхъ памятниковъ, о которыхъ иные заботились даже больше, чѣмъ о своихъ домахъ ²⁾. Другой обычай также возбуждалъ противъ себя негодованіе Златоуста, именно обычай омовеній послѣ погребенія. Этотъ обычай, вытекавшій изъ мысли, что соприкосновеніе съ покойникомъ влечетъ за собою оскверненіе, отъ котораго нужно очищаться, быть остаткомъ язычества или суевѣрій ³⁾, а между тѣмъ онъ былъ сильно распространенъ среди христіанъ того времени. Послѣ похоронъ совершались тризны, и такъ какъ онѣ опять нерѣдко приводили къ излишествамъ и даже соблазнамъ, то нужно было ограничивать и ихъ, и Златоустъ по своему духу милосердія не преминулъ напоминать, что тризны, вмѣсто того, чтобы быть мѣстомъ пьянственнаго разгула, могли бы быть поводомъ къ милостынѣ для бѣдныхъ, которые съ благодареніемъ помянутъ душу усопшаго ⁴⁾.

Вообще св. Іоаннъ Златоустъ, строгій блюститель христіанскаго благочинія, болѣе чѣмъ кто нибудь изъ отцовъ и учите-

¹⁾ На Іоанн. LXXXV; О статуяхъ III. Импер. Юліанъ во время своего пребыванія въ Антиохіи въ 363 году издалъ особый законъ противъ подобныхъ излишествъ. Онъ находится въ кодексѣ Θεодосія IX, 17, 5.

²⁾ Бес. на Псал. XLVIII.

³⁾ Въ Ветхомъ Завѣтѣ подобный же обычай имѣлъ значеніе гигиеническое, а въ обрядовомъ смыслѣ означалъ торжество смерти надъ жизнью. Такъ какъ Христосъ попралъ смерть и даровалъ намъ животъ вѣчный, то и самый обрядъ потерялъ свой смыслъ для христіанъ, превратившись въ суевѣріе.

⁴⁾ На I псал. къ Коринѣ. XXVII.

лей церкви старался объ упорядоченіи обрядовъ погребенія. Онъ неустанно ратовалъ противъ всякаго лицемѣрія, равно какъ и противъ чрезмѣрной слабости при выраженіи скорби при погребеніи. Предъ этимъ величественнымъ зрѣлищемъ смерти, „которое поражаетъ и печалитъ весь міръ и даже поражаетъ сердце самыхъ ожесточенныхъ богачей“, — нужно воздерживаться отъ всякой суетности, какъ и всякаго унынія. Нужно подражать тому, какъ относятся къ смерти отшельники въ монастыряхъ. „И въ монастыряхъ также умирають; иноки такъ же смертны, какъ и другіе люди; но смерть для нихъ не есть уже смерть. При звукѣ пѣснопѣвнѣй сопровождаютъ они умершихъ, и самаго погребенія они даже не называютъ тѣмъ именемъ, подъ какимъ оно извѣстно у насъ. Они называютъ его не выносомъ (*ἐκφορά*) а своего рода торжествомъ—*προπομπή* (т. е. торжественнымъ шествіемъ, направляющимъ къ мѣсту вѣчнаго блаженства). Когда имъ возвѣщаютъ о кончинѣ одного изъ нихъ, они исполняются радости и счастья; что я говорю?—никто изъ нихъ даже и не осмѣлится сказать: такой-то умеръ. Они говорятъ: онъ упокоился—*τετελειωται*, — свершилъ свой путь“¹⁾). Вотъ истинный образъ христіанской кончины.

V. Существенную принадлежность всякаго домохозяйства въ древности составляли рабы, которые такъ или иначе вліяли и на самое благосостояніе семьи. Рабство само по себѣ есть явленіе социальное и потому въ настоящей статьѣ оно можетъ быть разсмотрѣно только съ одной стороны, именно, какое положеніе рабы занимали въ домохозяйствѣ, какъ къ нимъ относились господа въ семейномъ быту и какъ вообще смотрѣлъ на самое это явленіе такой великій выразитель христіанской идеи братства людей, какъ св. Іоаннъ Златоустъ.

При несовершенствѣ социальныхъ отношеній въ древнемъ мірѣ рабство считалось необходимостью, такъ что признаніе его санкціонировалось даже философскими разсужденіями; но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно раздавались жалобы на худые результаты этого явленія. Въ IV вѣкѣ, въ Антіохіи и Константинополѣ,

¹⁾ На 1 Тим. XIV.

какъ и всегда по всей римской имперіи, жалобы противъ рабовъ раздавались непрерывно, и въ тоже время, повидимому, никто не могъ и представить себѣ, что можно обойтись и безъ нихъ. По свидѣтельству Златоуста болѣе всего жаловались на рабовъ язычники. „Они непрестанно говорятъ: рабы мятежны, непослушны, несклонны ни къ какому ученію и противятся всякому исправленію“ ¹⁾ Не болѣе довольны были ими и христіане. Почти въ каждомъ домѣ были слуги непокорные, грубые и лживые. Таковъ уже роковой законъ рабства (одно изъ лучшихъ доказательствъ того, насколько оно несправедливо и противно человѣческой природѣ), что даже самый прогрессъ и смягченіе нравовъ, ослабивъ суровость господина и установивъ нѣкоторую близость въ его отношеніяхъ къ своимъ рабамъ, не содѣйствовали благу послѣднихъ, а имѣли своимъ результатомъ крайнюю распущенность между ними, приводившую къ самымъ печальнымъ явленіямъ, такъ что иногда господа дѣлались рабами своихъ рабовъ. Такъ постоянно случалось, что рабы, изучивъ слабости своего господина, терзали его своими язвительными словами и намеками, пересмѣивали его распоряженія, и онъ начиналъ бояться ихъ мнѣній, ихъ злоязычія ²⁾. Если домъ управляется вдовою, то зло еще болѣе усиливается. Молодая госпожа дѣлается жертвою обмана и эксплуатаціи своихъ рабовъ. По самому ничтожному поводу они могутъ наклеветать на неповинную госпожу и эта клевета, подхваченная злоязычнымъ обществомъ, могла разрастаться въ чудовищную сплетню, дѣлавшую положеніе ея невозможнымъ. Конечно были и хорошіе рабы и, по свидѣтельству св. Іоанна Златоуста, это были по преимуществу—христіане. Правда, встрѣчались преданные рабы и среди язычниковъ, каковымъ, напр., былъ внучъ Мардоній, воспитывавшій Юліана и пользовавшійся за это глубокою признательностью со стороны своего воспитанника ³⁾, но вообще язычество нисколько не заботилось о поднятіи нравственнаго самосознанія среди рабовъ и поэтому добрые рабы изъ языч-

¹⁾ На посл. къ Тит. IV.

²⁾ О статуяхъ XIII.

³⁾ Misogogon, 14 и сл.

никовъ были лишь счастливымъ исключеніемъ. Напротивъ христіанство, провозгласивъ всѣхъ людей братьями во Христѣ, вполнѣ признавало права свободной личности и за всякимъ рабомъ. Весьма вѣроятно, что къ IV вѣку въ добрыхъ христіанскихъ домахъ большинство рабовъ были христіане же; но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало было рабовъ-христіанъ и въ языческихъ домахъ. Въ этомъ церковъ между прочимъ видѣла одно изъ весьма полезныхъ средствъ распространенія христіанства, и Златоустъ возлагалъ немалую надежду на такихъ рабовъ. „Многія семейства, говоритъ онъ, получили величайшую пользу отъ добродѣтели рабовъ; показываемые ими добрые примѣры оказывали дѣйствіе и на самого господина. То же самое бываетъ, когда это сокровище добродѣтелей раба находится близъ языческаго очага. Когда язычникъ видитъ, что его рабъ болѣе честенъ, болѣе преданъ, болѣе милосердъ, болѣе цѣломудренъ, чѣмъ эти столь хвастливые философы, и когда онъ узнаетъ, что этотъ рабъ есть христіанинъ, то ничто такъ не можетъ тронуть его; ничто вѣрнѣе не поразитъ и не убѣдитъ этихъ людей, которые не перестаютъ плакаться на непокорныхъ своихъ рабовъ“¹⁾.

Отецъ семейства, говоритъ св. Златоустъ, пользуясь часто употреблявшимся въ древности сравненіемъ, есть царь въ своемъ домѣ: не только богатый, окруженный безчисленной толпой рабовъ съ надзирателями надъ ними, но и бѣдный, у своего скромнаго очага, имѣя всего двухъ или трехъ слугъ, править своимъ домохозяйствомъ въ качествѣ верховнаго повелителя. Поэтому какъ тотъ, такъ и другой должны умѣть пользоваться своею властью умѣренно и благоразумно, и образцомъ при этомъ для нихъ долженъ служить Авраамъ, библейскій идеалъ добраго патріарха, къ которому то и дѣло Златоустъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей. Но какъ же вообще господа относились къ своимъ рабамъ во времена Златоуста? — Хотя Златоустъ, какъ проповѣдникъ-обличитель, больше обращалъ вниманія на отрицательныя стороны явленій, однако несомнѣнно, что христіанство уже успѣло смягчить нравы господъ и положеніе рабовъ значи-

¹⁾ На 2 посл. въ Тессал. V.

тельно улучшилось по сравненію съ языческими временами. Такъ рабы въ случаѣ болѣзни не выбрасывались изъ дома, какъ негодныя и бесполезныя вещи, но господа заботились о нихъ и приглашали къ нимъ врачей ¹⁾. Объ этомъ же свидѣтельствуеть одинъ, приводимый проповѣдникомъ, небезынтересный въ бытовомъ отношеніи рассказъ. Одна рабыня отдана была въ замужество за молодого раба, который оказался негодникомъ, порочнымъ и непослушнымъ, такъ что госпожа порѣшила отдѣлаться отъ него и продать его на рынокъ. За нимъ должна была послѣдовать и его жена. Но послѣдняя обратилась къ подругѣ своей госпожи и умоляла ее, чтобы она упростила ей госпожу избавить ее отъ сообщества съ невыносимымъ для нея человекомъ. Подруга, обѣщавшись похлопотать за нее, потомъ забыла о своемъ обѣщаніи, но ей напомнило объ этомъ свидѣніе, подъ вліяніемъ котораго она и посѣшила исполнить свое обѣщаніе ²⁾.

Старое зло однако продолжало еще сильно сказываться въ отношеніяхъ господъ къ рабамъ, и послѣдніе не только часто подвергались жестокому побоямъ, но даже и дѣлались жертвами той униженной, звѣрской жестокости, которую такъ способно развивать такое ненормальное учрежденіе, какъ рабство. Тѣмъ больше чести тѣмъ истиннымъ поборникамъ идеи братства во Христѣ, которые и словомъ и дѣломъ ограничивали жестокіе инстинкты, и напр. самъ Златоустъ низложилъ одного изъ своихъ діаконовъ за нанесенные имъ побои своему рабу. Но пастыри церкви заботились не только объ огражденіи тѣлъ рабовъ отъ насилія, но еще болѣе пеклись о спасеніи ихъ душъ. Для этого они старались внушить господамъ сознаніе того, что душа въ рабѣ такая же, какъ и въ господинѣ, и ее нужно уважать по всеѣмъ правамъ свободной человѣческой личности. Златоустъ находилъ уже несправедливымъ, если раба женили вопреки его желанія; но еще болѣе онъ негодовалъ, когда господа, злоупотребляя своею властью, дѣлали изъ раба какое нибудь гнусное орудіе, когда напр. жадный человекъ дѣлалъ изъ раба орудіе своего хищничества, рас-

¹⁾ На Мате. LXXIV.

²⁾ На 2 посл. къ Фессал. V.

путникъ — орудіе своего разврата. Рабынь онъ неустанно защищалъ противъ животныхъ посягательствъ сластолюбивыхъ господъ, увѣщевая послѣднихъ уважать стыдъ и цѣломудріе и у самыхъ беззащитныхъ рабынь. Но проповѣднику приходилось защищать рабовъ и рабынь не только отъ господъ, но не менѣе и отъ госпожъ, и притомъ отъ ихъ крайне безсердечной жестокости. Знатныя дамы часто относились къ своимъ рабамъ съ бѣльшимъ безсердечіемъ, чѣмъ господа. Какъ часто случается, говоритъ Златоустъ, что если домъ стоитъ на площади или на перекресткѣ, прохожіе слышатъ крики ярости гнѣвной и жестокой госпожи и болѣзненные вопли избиваемыхъ ею раба или рабыни! Что можетъ быть позорнѣе этого? Всякій останавливается, спрашиваетъ, разузнаетъ, что именно происходитъ въ домѣ. А ему отвѣчаютъ: это такая-то госпожа опять бьетъ свою рабыню. Несчастныя рабыни у иныхъ госпожъ не освобождались отъ синяковъ. Ярость зазнавшейся женщины иногда была безграничной. Чувствуя себя недостаточно сильной для удовлетворенія своего гнѣва собственноручными побоями, она иногда призывала къ себѣ на помощь мужа, провинившуюся рабыню раздѣвали до гола, привязывали къ столбу, и когда мужъ наносилъ ей удары, госпожа вторила его ударамъ своими ругательствами, называя рабыню и ессаліянкой ¹⁾, и бѣглянкой, и распутницей. Другіе, поваливъ провинившуюся рабыню на полъ, топтали ее ногами, таскали за волосы, и всѣ эти жестокости причинялись за какойнибудь пустякъ, въ родѣ маленькаго упущенія при туалетѣ госпожи, или обмолвки при титулованіи ея ²⁾.

Такія явленія глубоко возмущали душу пастырей церкви и они неустанно боролись противъ этого зла. Конечно, было бы странно требовать, чтобы даже пастыри могли вполне сбросить съ себя иго многовѣковой древности и открыто проповѣдывать отмѣну рабства, какъ соціальнаго учрежденія, каковая проповѣдь несомнѣнно повлекла бы за собою множество безпорядковъ и причинила бы больше вреда, чѣмъ пользы. И они далеки были

¹⁾ Т. е. колдуньей.

²⁾ На посл. къ Ефес. XV.

отъ такой проповѣди; но они дѣлали больше этого, и не отрицая рабства въ дѣйствительности, подрывали его въ самомъ принципѣ, и такъ смотрѣли на него не только епископы и избраннѣйшіе представители христіанскаго общества, но и простые вѣрующіе. И этотъ отрицательный взглядъ на рабство явственно проходить въ твореніяхъ Златоустъ. Разсуждая о самомъ происхожденіи рабства, онъ видитъ его источникъ, какъ и источникъ всякаго зла, въ грѣхѣ, породившемъ всевозможныя бѣдствія. Грѣхъ былъ причиною проклятія, навлеченнаго Хамомъ отъ своего отца Ноя на все свое послѣдующее поколѣніе, и это проклятiе именно и было первой основой рабства. „И сказала Ной: проклять Хаанаанъ; рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ“ (Быт. IX, 25). Если рабство есть такимъ образомъ результатъ проклятiя, то оно очевидно ненормально. Даже послѣ первороднаго грѣха люди долго еще жили, не зная рабства, и когда оно явилось какъ особое учрежденіе, то поддерживалось ни чѣмъ инымъ, какъ только алчностью и насиліемъ. Явившись такимъ образомъ изъ случайныхъ причинъ, оно по своему существу *неестественно* и могло поддерживаться только искусственно, господствомъ нечистыхъ страстей. Въ такомъ случаѣ логическій выводъ отсюда тотъ, что оно должно быть отмѣнено и во всякомъ случаѣ по существу своему несовмѣстимо съ христіанствомъ ¹⁾). Въ какомъ лучезарномъ свѣтѣ выступаетъ здѣсь великій святитель по сравненію даже съ такимъ свѣтиломъ языческой философіи, какъ Аристотель, который въ своей „Политикѣ“, какъ схемѣ идеальнаго государства, признаетъ рабство явленіемъ естественнымъ, имѣющимъ свое происхожденіе въ естественномъ превосходствѣ господъ надъ рабами, какъ низшими по самой своей природѣ ²⁾!

Но не ограничиваясь принципиальнымъ отрицаніемъ рабства, какъ явленія неестественнаго, Златоустъ шелъ въ этомъ отношеніи дальше и не переставалъ вооружаться противъ него въ его наличности, со всѣми сопровождавшими его злоупотребленіями.

¹⁾ См. эти мысли въ Бес. о Лазарѣ VI; на посл. къ Ефес. XXII; на 1 посл. къ Тим. XVI.

²⁾ Arist. Polit. I.

Такъ онъ прежде всего возставалъ противъ жестокости въ обращеніи съ рабами. Если уже невозможно (какъ думали многіе въ то время) обходиться безъ рабства, то пусть оно существуетъ; но къ рабамъ нужно относиться такъ, чтобы они не чувствовали униженности своего рабства. Этого требуетъ христіанство, сущность котораго и состоитъ въ томъ, что оно, провозглашая духовную свободу всѣхъ какъ чадъ Божіихъ, „въ самомъ рабствѣ лелѣеть свободу“¹⁾. Съ этой точки зрѣнія теряетъ свой смыслъ и самый вопросъ объ отмѣнѣ рабства: для христіанства оно уже не существуетъ, ибо во Христѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго. Но такъ какъ не всѣ въ данной степени проникнуты этимъ христіанскимъ сознаніемъ, то Златоустъ шелъ еще дальше, и не останавливался даже предъ попытками склонить своихъ слушателей къ фактическому освобожденію или отпущенію рабовъ. Конечно, сразу и безъ подготовки отпустить эту огромную массу людей, не привыкшихъ къ свободному труду и безпечно полагавшихся въ дѣлѣ своего пропитанія на господь, значило подвергнуть ихъ всякимъ случайностямъ и бѣдственности, что могло поэтому угрожать всевозможными общественными потрясеніями; поэтому Златоустъ увѣщевалъ своихъ слушателей постепенно готовить почву для этого великаго дѣла—пріученіемъ рабовъ къ самодѣятельности и ремесленнымъ занятіямъ. „Вы должны, говоритъ онъ, научить ихъ ремеслу, которое дѣлало бы ихъ способными зарабатывать себѣ пропитаніе, и затѣмъ—освобождать ихъ“. Конечно, такой совѣтъ едва ли въ состояніи былъ сдвинуть эту вѣковую твердыню соціальнаго зла, и потому слушатели не особенно принимали къ сердцу подобные совѣты, даже роптали на проповѣдника и издѣвались надъ нимъ, какъ мечтателемъ, предающимся разнымъ неосуществимымъ химерамъ. Но великій святитель не смущался подобными заявленіями и продолжалъ дѣлать свое великое дѣло и — рано или поздно сознаніе человечества должно было проникнуться этими возвышенными идеями настолько, что вѣковое учрежденіе неизбежно должно было рушиться.

¹⁾ Τοιοῦτον ὁ χριστιανισμὸς ἐν δουλείᾳ ἐλευθερίαν χαρίζεται. На 1 посл. къ Кор. X' X.

Свои воззрѣнія въ этомъ отношеніи св. Іоаннь Златоустъ такъ сказать обобщилъ въ своемъ толкованіи на посланіе ап. Павла къ Филимону, — этотъ, какъ справедливо называютъ его, христіанскій манифестъ объ отмѣнѣ рабства, какъ нравственно соціального явленія. По своему содержанію и духу, это небольшое посланіе ап. Павла настолько соотвѣтствовало собственному глубоко гуманному настроенію самого Златоуста, что при истолкованіи его онъ очевидно изливалъ свою душу, и этотъ его комментарий дѣйствительно представляетъ образецъ истолковательнаго искусства. И нельзя не удивляться, съ какимъ вниманіемъ и любовью Златоустъ излагаетъ это посланіе, слѣдя слово за словомъ, истолковывая не только всякое высказанное положеніе, но проникая даже, такъ сказать, въ самую душу апостола — съ цѣлію показать, что бы онъ могъ сказать еще, если бы написалъ это посланіе въ болѣе обширномъ объемѣ. Въ толкованіи на это посланіе Златоустъ показываетъ, какъ относился къ рабству такой дивный выразитель христіанства, какъ ап. Павелъ. Въ своемъ отношеніи къ несчастному бѣглецу-рабу Онисиму онъ проявилъ и необычайную доброту и вмѣстѣ глубокую мудрость. Хотя онъ и усыновилъ себя (духовно) покаявшагося Оннима, однако такъ какъ послѣдній по своему общественному положенію былъ рабъ Филимона, то онъ не оставилъ его при себѣ, а отправилъ по принадлежности, къ его дѣйствительному господину Филимону. Этимъ апостоль хотѣлъ показать, что христіанство не есть такое ученіе, которое стремилось бы къ ниспроверженію общественнаго порядка; оно стремилось только къ преобразованію религіозно-нравственнаго состоянія человѣчества, не касаясь прямо установленныхъ общественно-государственныхъ формъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ апостоль не преминулъ и походатайствовать за Оннисима, который, сдѣлавшись христіаниномъ, по этому самому уже пересталъ быть для своего господина Филимона, какъ тоже христіанина, простымъ рабомъ, а сдѣлался для него братомъ возлюбленнымъ. Такой переходъ былъ немыслимъ въ язычествѣ и его не въ состояніи была переварить никакая языческая философія, но онъ былъ вполне естественъ для христіанства, которое навсегда порѣшило, что до-

стоинство чловѣка опредѣляется не по его внѣшнему положенію, а по его душѣ, и въ этомъ отношеніи роли могли измѣняться до неузнаваемости: самый высокій и властительный господинъ могъ быть самымъ жалкимъ рабомъ своихъ страстей и своей плоти, и напротивъ, самый ничтожный и жалкій рабъ могъ быть свободнѣйшимъ изъ свободныхъ, если онъ былъ полновластнымъ господиномъ своей плоти. А эта духовная свобода въ свою очередь неминуемо сказывалась и на внѣшнемъ положеніи людей, и если уже раньше бывали случаи, когда рабъ становился пресвитеромъ или епископомъ, а господинъ его оставался простымъ міряниномъ и слѣдовательно переходилъ въ подчиненное къ нему положеніе, то это очевидно было уже началомъ и дѣйствительнаго разрушенія рабства, которое наконецъ и пало со временемъ какъ явленіе, не совмѣстимое съ христіанствомъ.

Обобщая все изложенное, нельзя не замѣтить, что воззрѣнія св. Іоанна Златоуста на семейныя отношенія, находясь съ одной стороны въ ближайшемъ соотношеніи съ требованіями вѣка, еще болѣе—съ другой стороны—вытекаютъ изъ того вѣчнаго идеала, который начертанъ для нихъ въ законѣ Божіемъ. Хотя въ IV вѣкѣ христіанство уже окончательно восторжествовало надъ язычествомъ и сыны его возсѣдали на престолѣ кесарей, однако язычество еще не уступило окончательно и продолжало вести внутреннюю борьбу, опираясь на вѣковой складъ бытовыхъ условій и отношеній жизни. Даже въ городахъ населеніе все еще оставалось наполовину языческимъ, и это языческое общество не могло не оказывать сильнаго вліянія и на христіанъ, въ жизни которыхъ тоже продолжало сохраняться много языческихъ или полужазыческихъ воззрѣній и обычаевъ. Нужно было искоренять эти застарѣлые обычаи, и Златоустъ, какъ дѣятельный пастырь и проповѣдникъ, велъ неустанную борьбу съ этими остатками отживавшаго язычества. Такъ какъ язычество имѣло источникъ своей силы въ страстяхъ и прелестяхъ міра сего, то наиболѣе дѣйстви-

тельнымъ способомъ противодѣйствія ему было удаленіе отъ міра сего, какъ дѣйствительно и поступали многіе истинные ревнители христіанскаго благочестія. Пустыни Сиріи и Египта были наполнены отшельниками, которые по примѣру Антонія Великаго убѣгали туда отъ обольщеній міра сего для достиженія духовнаго совершенства на свободѣ отъ всѣхъ связей и путь обиденной жизни съ ея злобами и суетой. Самъ Златоустъ въ юные годы своей жизни также отдалъ дань этому требованію возвышеннаго идеала и провелъ нѣсколько лѣтъ въ пустынѣ, въ самомъ суровомъ подвижничествѣ. Но когда онъ Промысломъ Божіимъ поставленъ былъ опять среди міра на служеніе въ качествѣ пастыря, то естественно и здѣсь онъ не могъ отрѣшиться отъ своего идеала и поставилъ своею цѣлію трудиться надъ преобразованіемъ общества въ духѣ этого идеала. Конечно, все христіанское общество нельзя было превратить въ монастырь, да этого не требовало и само христіанство; но внести въ это общество тотъ духъ, которымъ руководились великіе подвижники въ своемъ стремленіи къ христіанскому совершенству, значило окрылить его такимъ же стремленіемъ и дать ему новую силу въ борьбѣ съ окружающими искушеніями. Такъ какъ основой общественной жизни служить семья, то на нее онъ именно и обратилъ свое главное вниманіе, стараясь поставить ее на высоту возможнаго совершенства. Онъ старался искоренять оставшіеся въ ней языческія воззрѣнія и обычаи, накладывавшіе слишкомъ мірскаго отпечатокъ на воспитаніе и на всѣ связанныя съ нею явленія (свадьбы, похороны и пр.). Вопреки языческой распущенности онъ настаивалъ на святости брачныхъ узъ, провозглашалъ равенство супруговъ въ ихъ обязанностяхъ предъ нравственнымъ закономъ, и проповѣдывалъ законъ Божій во всей его чистотѣ и возвышенности, не приспособляясь къ слабостямъ человѣческимъ. При всемъ томъ въ его проповѣдяхъ и бесѣдахъ никогда не звучитъ тонъ безсердечнаго, сухого цензора, умѣющаго только порицать и обличать. Нѣтъ, въ нихъ слышится тонъ любящаго отца, который страдаетъ при видѣ несовершенствъ своихъ дѣтей и радуется ихъ исправленію. Въ этомъ отношеніи образцомъ для него былъ ап. Па-

вель, духъ котораго какъ бы воплотился въ великомъ святителѣ. Самъ пройдя извѣстный опытъ духовнаго воспитанія, онъ естественно хотѣлъ, чтобы и всѣ его слушатели прошли этотъ же искусь, и напр. въ отношеніи молодыхъ людей онъ желалъ, чтобы они, прежде чѣмъ вступать на поприще полной искушеній жизни міра сего, на время подвергали себя опыту отшельническаго подвижничества, которое одно только и могло придать имъ необходимый нравственный закалъ. Да и не только молодые люди: все семейство должно бы представлять собою ту строгую школу, въ которой могли бы воспитываться истинныя христіанскія добродѣтели. Вѣдь въ сущности христіанство одно и для подвижниковъ пустыни и для членовъ семьи. Различіе между отшельниками и семейными людьми заключается только въ одномъ, именно въ бракѣ послѣднихъ. Но „бракъ не препятствуетъ добродѣтели; тѣ, которые живутъ въ мірѣ семь, должны во всемъ, кромѣ брака и вопреки ему, уподобляться монашествующимъ“¹⁾. Конечно, такіа слова не могли не смущать многихъ, которые думали, что всѣ постановленія нравственнаго закона во всей ихъ строгости обязательны только для монаховъ; но Златоустъ никогда не поступался выотою этихъ нравственныхъ требованій и часто повторялъ ихъ. Истинный христіанинъ тотъ, кто постоянно живетъ согласно съ требованіями церкви, и поэтому каждый домъ въ сущности долженъ представлять изъ себя церковь. Не только всѣ члены семейства должны ходить въ церковь, не только отцы семействъ должны водить туда своихъ дѣтей, женъ и рабовъ,—нѣтъ, кромѣ того каждый домъ долженъ представлять собою церковь по самому тону и распорядку внутренней жизни. Такъ отецъ семейства, по возвращеніи изъ церкви, долженъ, собравъ всѣхъ своихъ домочадцевъ, воспроизвестъ предъ ними вкратцѣ все слышанное въ церкви, и вообще поддерживать духъ церковности чрезъ чтеніе Слова Божія. Примѣромъ въ этомъ отношеніи могъ служить благочестивый Филимонъ, у котораго была своя „домашняя церковь“, что нужно понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, что самый его домъ

¹⁾ На посл. къ Евр. VII. Сравни ва Матѣ. VII, 7: «Ибо всѣ законы у насъ общи съ монахами, кромѣ брака».

по своему благоустройству и духу былъ какъ бы воспроизведе-
ніемъ церкви. Нужно поэтому подражать Филимону, и всѣ увѣ-
щанія великаго святителя въ этомъ отношеніи сводятся къ по-
ложенію, чтобы каждый христіанинъ изъ своего дома дѣлалъ
церковь ¹⁾. И такое требованіе вытекаетъ изъ самаго существа
церкви, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ обнять всю жизнь во
всѣхъ ея проявленіяхъ. Если бы осуществился этотъ идеаль, то
сама собою прекратилась бы и та страшная борьба, какую духъ
міра сего ведетъ противъ церкви Божіей. Ему не было бы мѣста
больше на землѣ, такъ какъ вездѣ господствовала бы церковь,
проникая своимъ духомъ всѣ отношенія и формы человѣческой
жизни и повсюду водворился бы духъ истинной жизни. Но хотя
этотъ идеаль во всей его полнотѣ неосуществимъ вслѣдствіе са-
мыхъ немощей человѣческой природы, однако приближеніе къ
нему возможно, и къ осуществленію этой возможности и должны
быть направлены всѣ помыслы и усилія всѣхъ истинныхъ сыновъ
св. церкви.

А Райнъ.

¹⁾ Это назиданіе св. І. Златоуста близко принимали къ сердцу
наши благочестивые предки, когда они придавали внутренности своихъ
домовъ внѣшность, напоминающую церковь. Еще и теперь не рѣдки
(особенно среди купечества) дома, въ которыхъ по крайней мѣрѣ одна
комната въ такомъ изобиліи украшена иконами и лампадами, что, входя
въ нее, невольно чувствуется присутствіе глубокаго духа церковности,
стремящагося даже въ частномъ домѣ создать себѣ нѣчто въ родѣ
церкви.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**